

Владимир Романенко

Жди, за тобой придут

роман
в двадцати пяти
сериях

Владимир Романенко

Жди, за тобой придут

«Автор»

Романенко В. В.

Жди, за тобой придут / В. В. Романенко — «Автор»,

Сюжет этой книги, написанной на стыке сразу нескольких жанров, разворачивается в наши дни, в России и Западной Европе. Здесь есть всё – любовь и эротика, пиво и футбол, драма и веселый разгул, авантюра и паранормальные явления, юмор и тонкий психологизм, элементы фантастики и восточная мудрость. Но, помимо эстетического удовольствия и массы приятных эмоций, читатель может извлечь отсюда кое-что ещё:...Если Иоанн Богослов не был сказочником, если конец света не миф, и если древние пророчества инков и майя верны, то очень скоро на Земле начнутся глобальные перемены, в результате которых большая часть населения планеты может исчезнуть. Пока миллиарды слепых уверенно шагают к краю пропасти, люди знания ведут неустанную работу по выявлению способных видеть и обеспечению условий для дальнейшей эволюции человечества. У них есть специальные критерии, известные узкому кругу посвящённых, и по этим критериям они с детства отбирают тех, кто позднее будет готов присоединиться к их числу. Кандидат в избранные должен уметь любить, потому что без любви невозможно кого-либо спасти; он должен по-особому чувствовать окружающий мир и адекватно реагировать на потустороннее; его должна отличать свобода от догм и стойкий иммунитет к идеологическому зомбированию. Книга рассказывает о том, как, абсолютно ничего не подозревая, самый обычный, на первый взгляд, парень оказывается в числе кандидатов, и на его долю выпадает масса тяжёлых испытаний, жестоких потерь и невозможных для простого смертного открытий. Его жизнь превращается в Путь...

© Романенко В. В.

© Автор

Содержание

Глава первая. Бельгия, Гент, июнь 2006.	6
Глава вторая. Ретроспектива.	11
Глава третья. Бельгия, Гент, июнь 2006.	15
Глава четвёртая. Ретроспектива.	21
Глава пятая. Бельгия, Гент – Вестфлейтерен, июнь 2006.	26
Глава шестая. Ретроспектива.	38
Глава седьмая. Голландия, Амстердам, июнь 2006.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Романенко

Жди, за тобой придут

Электронная версия романа

*Жизнь есть тьма, когда нет стремления,
Всякое стремление слепо, когда нет знания,
Всякое знание тщетно, когда нет труда,
Всякий труд бесплоден, когда нет любви.*
Халиль Джебран

Глава первая. Бельгия, Гент, июнь 2006.

...Жизнь неспешно тянулась и скрипела, как изрядно пожёванная, старая магнитофонная лента, тихо сматывающаяся с одной огромной бобины на другую, – монотонная, вялая и похожая на досадный анахронизм. Он ждал. С юных лет ждал, сам не понимая чего. В учебных заведениях, через которые прошёл, – их окончания. После получения институтского диплома – устройства на работу. После устройства – первого повышения, затем второго, третьего, перевода за границу, нового повышения. И в обозримом будущем конца этому ожиданию, увы, не предвиделось. Точно такая же катавасия наблюдалась и на личном фронте, и в делах более тонких, духовных. Мелкие плотские радости, вперемишку с удовольствиями более высокого порядка, иногда скрашивали упрямо не желавшую фонтанировать жизнь. Но экстатического заряда хватало ненадолго. Хуже того: с возрастом периоды «эмоционального солнцестояния» делались всё более непродолжительными, и тоскующая по свежим впечатлениям душа была вынуждена прозябать в гнетущем мраке затяжных «полярных ночей». Сколько себя помнил, он всегда пребывал в искреннем неведении относительно того, зачем ему посчастливилось прийти в этот суетный мир и на какие подвиги захочет вдохновить его мудрый создатель.

Костя медленно встал с дивана и на ходу выключил телевизор. В голове навязчиво дребезжал один старый, полузабытый шлягер: «Матч Аргентина-Ямайка – 5:0...».

Сегодня получилось 6:0. Красивые голы, симпатичная молодая команда и разбитые в пух и прах, несчастные сербы.

Восемь лет назад он бы прыгал от восторга и тут же растрезвонил всем друзьям, что лучшей игры ему не случалось видеть со времён великого Марадонны. А сейчас обсуждать с кем бы то ни было этот матч и превозносить вполне законный, между прочим, успех его любимой команды почему-то не хотелось.

Суровая и беспощадная Европа сделала своё гнусное дело: эмоции здесь разрешалось выставлять на показ только ненастоящие.

Сдерживать клокочущую эйфорию было, однако, ему не по силам, и рука сама собой потянулась к телефону.

– Алло, Эдик? Здорово! Ты как?

На другом конце провода с воодушевлённой готовностью отозвались:

– Salve! Коська, ты что ли? Спасибо, нормально. Сам-то в порядке? Матч смотрел?

– Да, неплохая игра. Интересно было поглазеть... Слушай, Эдька, скажи мне как старый грешник своему духовному отцу, что, по-твоему, могло бы прямо сейчас помешать тебе и мне выдвинуться в массы?

«Выдвинуться в массы» означало у них прогуляться до одного из любимых обоими энтузиастами баров, коих в городе насчитывалось с добрый десяток.

– Куда направим стопы?
– Давай в Ватерхаус. Минут через двадцать на террасе у бара, идёт?
– *Clarum est, meus amicus*. Замётано, – сказал Эдик и почти одновременно с Костей повесил трубку.

Денёк выдался тёплый, и излишек одежды стеснил бы ту ангельскую лёгкость, которой переполнялась в данный момент его отринувшая мирские заботы душа. Через минуту, натянув выходные шорты и майку, обув шлёпанцы и не забыв подмигнуть зеркалу в коридоре, он выскочил на улицу.

Ватерхаус располагался на набережной речки Лейе в пяти минутах ходьбы от Костиного дома.

Место обитания, выбранное им в результате долгих и старательных поисков четыре года назад, – площадь святого Якоба – слыло между аборигенами действительно шикарным. Оно находилось в самом центре Гента – великой фламандской жемчужины и колыбели средневекового зодчества, весьма недурно сохранившейся со времён Карла Пятого.

Любопытно, что всякий раз, направляясь в Ватерхаус, при выходе на Хруntenmarkt Костя неизменно встречался взглядом с водителем его «любимого» трамвая номер 4, пункт назначения которого был помечен до боли родным, но нелепо смотрящимся в окружающей обстановке словом «Moscou».

Сегодня универсум также решил не торопиться с кармическими развязками, и избежать трамвайного приветствия Косте снова не удалось.

«Интересно, почему я за столько лет ни разу не съездил в эту загадочную бельгийскую Москву?».

В его сознании начал зарождаться какой-то сложный логико-ассоциативный процесс, но оформиться до конца не успел, так как в поле зрения попало нечто более привлекательное, чем восточно-фландрийский намек на русскую столицу.

Прямо на него королевской походкой двигалась роскошная, белокурая фемина, облачённая в стильные узкие джинсы и короткую, нежно-голубую майку, кокетливо открывавшую для всеобщего обозрения гладкий, загорелый животик с аккуратной ямочкой пупка.

Не прошло и двух секунд их стремительного взаимного приближения, как Костя поймал на себе её мимолётный взгляд, лишённый всякого женского кокетства и сексуального неравнодушия.

Это был взгляд, которым смотрят на мостовую под ногами, на кирпичную кладку домов, на деревья и клумбы с цветами, проходя мимо них каждый день по дороге на работу или в магазин. И только опытный старожил мог уловить в этом взгляде неприступной фламандки её саму ни к чему не обязывающий, едва приметный огонёк холодной нордической заинтересованности.

Надо сказать, что Костя к своим теперь уже не очень юным годам был изрядно натренирован в искусстве уличного флирта, хоть горький опыт и подсказывал ему, что вероятность положительного исхода в данной географической и этнической обстановке неуклонно стремилась к нулю.

Сегодня, впрочем, никакой особой нужды в благоприятном исходе задуманной эскапады он не испытывал.

Поравнявшись с девушкой, Костя изобразил из себя хаотично слоняющегося по улицам олуха-туриста и, как бы даже преодолевая стеснение, справился у неё о местонахождении известного бара под названием *Het Waterhuis aan de Bierkant* («Водный домик на пивной стороне»).

Когда фемина заговорила, он снова был приятно удивлён. Во-первых, она вряд ли курила. Во-вторых, имела очаровательный голос среднего, ближе к высокому, тембра. А в-третьих, что было, пожалуй, самым невероятным, девушка не изображала той чрезвычайной занято-

сти, которую большинство фламандок используют как газовый баллончик, готовый прыснуть в сердце любого встречного самца, питающего романтические надежды.

Вместо обычной фразы из десятка слов с заключительным «адё» и искусственной улыбкой девушка разразилась длинной речью.

Весь нехитрый маршрут, состоявший из двух отрезков по пятьдесят метров и одного поворота на девяносто градусов, был объяснён ещё в начале её рассказа. Теперь же она говорила о самом баре, имевшем древнюю и богатую курьёзами историю.

Несмотря на то, что с минуты на минуту в Ватерхаусе должен был нарисоваться импульсивный Эдик, Костя рискнул высказать робкое восхищение такой осведомлённостью, с прозрачным намёком на желательное продолжении диалога.

Через пару мгновений он понял, что свободным временем девушка располагала. Однако несносные правила приличия заставляли её с очевидной неохотой мотать на Костины уши слегка приперчённую правдой «лапшу». Она пространно упоминала какие-то неотложные дела, которые мало соответствовали ее внешнему облику.

Ситуация грозила выйти из-под контроля, точнее, просто «выйти», то есть, исчерпаться, раствориться в воздухе и превратиться в ничто – как будто её никогда и не было. Требовалась молниеносная акция, экспромт, способный вернуть уплывающему в минор событию его мажорный статус.

– Девушка, взгляните, пожалуйста, вон на то одинокое облако.

Красавица спокойно подняла голову, моргнула своими длинными ресницами и устремила доверчивый взгляд в том направлении, куда показывал его уверенный перст. Там действительно белел один на всём небосклоне огромный «гриб-дождевик».

– Хотите, чтобы это облако распалось на несколько частей?

Фламандка заулыбалась, посмотрела ему в глаза и, секунду помедлив, игриво ответила:

– В моём городе завелись молодые волшебники?

– Сейчас это произойдёт... Но в целях достижения максимального зрительного эффекта нам лучше выйти на мост. Процедура может занять несколько минут.

– Ну что ж, ради чуда я готова подождать, – усмехнулась девушка.

Как только они миновали угол последнего перед набережной дома, Костя снова услышал её очаровательный голос:

– Вот, кстати, и бар!

Он повернул голову и, напрягая все свои актёрские способности, крайне оживлённо воскликнул:

– My goodness! А местечко-то действительно премилейшее!

Затем, выдержав небольшую паузу, одухотворённо добавил:

– Может, нам лучше расположиться за одним из столиков? Мне вдруг подумалось, что, сидя будет значительно комфортнее... Я имею в виду, с точки зрения нашего предстоящего наблюдения за «хрупкими летающими объектами».

– Ну, если только с этой точки зрения... – лукаво сощурилась девушка.

Происходящее, как видно, начинало её забавлять. В своей жизни эта белокурая фея вряд ли испытывала нехватку мужского внимания, но с таким оригинальным, творческим подходом сталкивалась, вероятно, далеко не каждый день.

Фламандка выбрала маленький квадратный столик у самого парапета, и они с Костей расположились таким образом, чтобы речка, мост, а над мостом и злополучное облако, находились в поле зрения обоих наблюдателей.

– Как насчёт того, чтобы перейти на «ты»?

Губы девушки растянулись в понимающе-снисходительной улыбке.

– Хорошо. Будем на «ты». Меня зовут Эвелин.

– А меня Константин.

Он по привычке назвал своё полное имя, сделав ударение на первом его слоге: такой вариант был единственно устойчивым во фламандском прононсе. Мучить «иностранцев» другими, сложными для их уха и языка созвучиями Костя давно уже перестал.

– Будем знакомы! Кстати, раз уж мы оказались на террасе Ватерхауса, то, может, вкусим, по случаю, от его щедрот? Я угощаю!

На сей раз девушка не удержалась и звонко захохотала.

– Тебе не кажется, что начать выпивать со случайной прохожей через три минуты после знакомства – это уже перебор?.. Ну, ладно, я пошутила. Если ты угощаешь, то позволь мне хотя бы поработать твоим экскурсоводом по пивному Генту.

Эвелин раскрыла лежавшее на столе меню (которое он знал наизусть), медленно пролистала его перед Костиными глазами, так чтобы длинные ряды пивных названий ни с чем нельзя было перепутать – он ведь, когда заговорил с ней на перекрёстке, именно на этот аспект питейного заведения больше всего напирал. И осторожно спросила:

– А ты сам-то ведь не местный, в смысле, не бельгиец?.. Хотя по-голландски говоришь великолепно.

– Я долгое время жил в Нидерландах, – сказал Костя сухую правду и, подумав, добавил:

– В Бельгии, конечно, тоже бывал. И с некоторых пор интересуюсь бельгийским пивом. В частности, такими вот заведениями. Отличный бар!

– Ты хочешь заказать что-нибудь из тех сортов, которые уже когда-то пробовал? (Здесь, я думаю, есть практически всё). Или посмотришь меню?

– Вообще, я с удовольствием бы посмотрел. А ты что будешь?

– Мне нравится Orval. В нём всего шесть градусов, но пиво очень вкусное и насыщенное.

– Ещё бы! Благородный траппист!

Эвелин одарила его своей очаровательной улыбкой и протянула через стол меню.

– Если хочешь, полистай – тут где-то в конце есть лёгкие закуски к пиву. А я отлучусь ненадолго.

Девушка встала и медленно пошла между рядами столиков в направлении дверей бара. Костя же с серьёзным видом распахнул переплетённое кожей меню и принялся скрупулезно изучать этот хорошо знакомый ему перечень бельгийской национальной гордости.

Он изначально был настроен на «тяжёлую артиллерию» и, кроме этого, хотел поддержать свою компаньонку в её траппистском заходе. В результате, его выбор пал на Chimay Tripel – восьмиградусное светлое пиво, варившееся монахами в аббатстве Notre Dame de Scourmont.

Напиток, который попросила заказать для себя Эвелин, тоже варился монахами из аббатства, в названии которого присутствовало упоминание Богородицы: Notre Dame d'Orval.

Светлое покровительство Девы Марии было явно благоприятным знаком.

«Moonlight and vodka...», – промурлыкал Костя себе под нос. – Своему сердцу следует доверять!».

Как только в его мыслительном процессе была поставлена эта жирная точка, около столика, подобно внезапно материализовавшемуся приведению, возник улыбчивый официант в нарядном передничке, с блокнотом и ручкой наизготовку.

Оформив пивной заказ, одобренный для вящей пользы холодными и горячими закусками, Костя откинулся на спинку стула, возвёл очи небу и тут же спохватился: «God verdomme! (голл. чёрт побери!) А облако-то, где было, там и есть! Вот ещё одна проблемка на мою голову».

Ветер в сегодняшней погодной зарисовке явно не предусматривался, и его отсутствие вынуждало делать расчёт исключительно на собственные силы. Финт был несложным – при наличии определённой практики и навыков, разумеется.

Костя принялся сосредоточенно рассматривать облако, максимально сконцентрировался и дал сознанию немного потрудиться. Когда дело было сделано, он закрыл глаза и расслабился.

Из мистического транса, успевшего стать весьма глубоким, его вывела чья-то мягкая ладонь, опустившаяся на плечо.

– Константин! Ты, что же это, уснуть здесь умудрился в моё отсутствие? Заказ-то хоть успел сделать?

Он криво улыбнулся и мимоходом посмотрел на облако.

– Конечно, успел. Сейчас всё будет в лучшем виде!.. Кстати, дабы у тебя не сложилось превратного мнения о моей персоне, можешь взглянуть на небо.

Он слегка приподнял брови и кивком головы указал в ту сторону, где ещё совсем недавно красовался белёсый гриб-дождевик.

– Voila! Quelle bon surprise, ne's pas?! (фр.: Какой замечательный сюрприз, не так ли?!).

Эвелин недоверчиво посмотрела сначала на его лицо, потом на небо. У столика мгновенно нарисовался всё тот же улыбчивый официант и стал торопливо сгружать со своего подноса тарелки с закусками и стаканы – один уже заполненный разливным пивом Chimay, а другой – пока ещё пустой, в который предполагалось самостоятельно опорожнить пузатую бутылочку Orval, покрытую капельками сконденсировавшейся влаги.

Эвелин, казалось, абсолютно не замечала происходящего, так как всё её внимание было приковано к распавшемуся на пять самостоятельных частей облаку.

Части эти, как прежде и само облако, не пытались менять точки своей нынешней дислокации. Они просто висели в неподвижном воздухе на небольших, почти равных расстояниях друг от друга.

Насладившись произведённым эффектом, Костя решил и сам взглянуть на этот атмосферный феномен, к которому имел неосторожное касательство. Но через секунду напрочь забыл о своём намерении.

По мосту чеканным шагом двигалась знакомая сухошавая фигура с коротких ёжиком светлых волос. Пожирая глазами старого приятеля и его спутницу, в направлении паба шёл экипированный в чёрные джинсы и такую же чёрную футболку изумлённый до крайней степени Эдик...

Глава вторая. Ретроспектива.

«Любовь, любовь – гласит преданье – союз души с душой родной...». Ну, что сказать насчёт любви, господи? Было. И не единожды. До полного затмения, до выпученных глаз, до слюней и слёз на подушке. Неразделённая, разделённая, платоническая и плотская – она являлась ему во всех человеческих обликах. И всегда оставляла после себя одну и ту же навязчивую мысль: «зачем?». Иногда ему даже казалось, что в отношении любви на этот вопрос не существует однозначного ответа. Хорошо, если задавать его человек ещё не научился – ни до, ни во время, ни после «рокового слияния и поединка двух сердец». Что же до нашего героя, то задавать такие вопросы он не умел, к сожалению, только в детстве и на ранних стадиях отрочества. Влюбчивостью же природа наградила его щедро, равно как и физиологически необходимой для её успешного функционирования гормональной подпиткой.

Ещё в три года, распотрошив на даче у родителей несколько кочанов капусты и не найдя там никаких предпосылок к обнаружению человеческих младенцев, Костя раз и навсегда развеял миф о своём вегетативном происхождении. Впоследствии он также наотрез отказался верить и в предложенную ему взамен коммерческую, то есть «магазинную», легенду. Пребывая в полном неведении относительно столь важного аспекта собственного бытия, Костя сумел дожить с этим грузом до восьмилетнего возраста.

Лишь только будучи учеником второго класса средней школы и имея возможность общаться с большим кругом ровесников, а также ребят постарше, он начал по крупицам собирать и складывать в единый рисунок всю необходимую для разрешения этой загадки информацию.

Что такое сексуальное желание, Костя отлично представлял себе, ещё не владея соответствующим вокабуляром и плохо ориентируясь даже в бытовой терминологии на этот счёт. Станный, но в то же время приятный зуд в области гениталий он ощутил первый раз в средней группе детского сада. Спорадические попытки отца пресечь экспериментальное рукоблудие ни к чему, как водится, не привели: возможностей для невинных личных опытов у детсадовской молодёжи было в то время более чем достаточно.

К подготовительной группе Костина компетенция в данном вопросе настолько возросла, что он оказался способным давать консультации своим менее находчивым сверстникам, а в конце концов, даже вступил в половую связь, если можно её было так назвать, с первым объектом противоположного пола – симпатичной девочкой по имени Наташа.

Разумеется, дальше заурядного петинга дело у них тогда пойти не могло, но полученных ощущений обоим юным партнёрам хватило надолго. Поскольку акт носил, в некотором смысле, публичный характер (соитие происходило в спальном зале во время послеобеденного сна, под восторженный шёпот и мысленные аплодисменты сгруппированных), именно в тот памятный день Костя впервые зарекомендовал себя в глазах окружающих как человек, находящийся на передовом крае исследовательской науки о любви.

Промежуток между первым и вторым гетеросексуальным опытом оказался в Костином случае весьма большим. Трудно сказать, что послужило причиной этого – отсутствие коллективных сончасов в школе или же стремительно пробуждающаяся в детских душах тяга к ответственности и целомудрию. С Костиной точки зрения, целомудрие не считалось высшей добродетелью, однако горячее стремление к ней у представительниц женского пола, неуклонно воспитываемое пуритански настроенным социумом, сводило на нет все смелые помыслы юного искателя романтики.

Хуже того! Ещё не совсем чётко выстроенная к девяти-десятилетнему возрасту жизненная платформа, начинала прогибаться, видоизменяться, а зачастую и просто рушиться под

натиском общественного и семейного давления. Как можно было продолжать верить в безгреховность собственных фантазий, если буквально все взрослые вокруг твердили в один голос, что видеть, а тем более прикасаться к обнажённой натуре – занятие совершенно недостойное и даже постыдное?

С другой стороны, для эффективного подавления хаотически рождавшихся в неокрепшем сознании скабрезных мыслей, требовалась колоссальная воля и натренированность, которой Костя в столь нежном возрасте, разумеется, не обладал. Приходилось идти на компромисс, близкий по своей сути к библейскому «богу – богово, а кесарю – кесарево», в его социалистическом приложении. То есть сочетать полную внешнюю благонадёжность со скрытой верностью своим внутренним телесным позывам.

Ситуация немного облегчалась вполне искренней поддержкой, которую можно было найти в то нелёгкое время среди «единомышленников», или, лучше сказать, товарищей по несчастью. Передачу необходимой информации устным путем не могла пресечь никакая цензура.

Сейчас, при наличии телевизионных и журнальных «пособий» трудно даже представить себе ребёнка, перешедшего грань осознания своей сексуальной принадлежности, который не имел бы представления о том, «как это выглядит у дяденек и тётенок», и не догадывался бы, для какой цели природа встроила в человеческую анатомию столь замысловатое физическое различие.

Тогда же, в годы глухого советского табу на всё, связанное с сексом, большинство детей было вынуждено оставаться ментально невинными практически до времени своего полового созревания. Знания, которыми приходилось пользоваться особо любознательным мальчикам, черпались из разного рода историй, скорее гипотетического, нежели фактического характера, а также ходивших по рукам черно-белых фотокопий с западных эротических и порнографических изданий.

Существовала и медицинская литература, даже иллюстрированная. Но, как правило, идея заглянуть в неприметную, серую книжицу с малообещающим названием «Что должна знать каждая женщина», мирно покоящуюся среди прочей белиберды в родительской библиотеке, приходила в голову даже самым одарённым искателям истины не раньше одиннадцати-двенадцати лет.

Костя не был исключением из правила, и поэтому его путь к просвещённости оказался долгим и тернистым. Однако нельзя сказать, чтобы это хоть сколько-нибудь его тяготило в те безмятежные годы. Ведь не бывает худа без добра! Запретная политика, безусловно, ставила ребёнка в условия жесточайшего информационного голода, но она стимулировала также и подъем креативной энергии из области гениталий к более высоким телесным центрам.

Данный «побочный эффект» был чрезвычайно важен для воспитания человека нового образца, поскольку укреплял в сердцах советских граждан ту самую формулу «дружбы, товарищества и братства», без которой построение коммунизма было бы просто невозможным. У Кости же результат его действия обозначился отнюдь не с идеологической стороны.

То, что многие люди переживают в более почтенном возрасте, с Костей произошло, когда ему было без малого шесть лет: его внезапно настигло безумное платоническое чувство к красавице Галечке, с которой они вместе ходили на секцию спортивной гимнастики. Как это ни удивительно, вспыхнувший в Костиной груди пожар оказался взаимным.

Возраст для первой любви является фактором вторичным, и то, что должно произойти между двумя влюблёнными, неизбежно случается с ними, будь они седым стариками или же совершеннейшими детьми. В отношениях Кости и Галечки очень быстро пришла пора совместных прогулок за ручку, жарких объятий и даже поцелуев в губы, инициатором которых выступал Костя.

В какой-то момент влюблённые даже собирались тайком отправиться на вокзал, сесть в поезд и укатить вдвоём навстречу собственной судьбе. Романтическому порыву воспрепятствовали не на шутку встревожившиеся родители с обеих сторон, лицемерно пообещав юным романтикам благословения на медовой месяц (в том числе и финансового), но только после законной свадьбы.

Упование на нравственность, как это ни странно, сработало. Костя и Галя принялись строить планы официальной регистрации своего земного союза, в то время как мамы и папы всячески усложняли им жизнь.

Прагматичные взрослые ссылались на необходимость покупки обручальных колец и свадебных нарядов, на которые предполагалось потратить годовую зарплату обоих семейств. Далее неминуемо встал вопрос о приданом невесты, и, как водится, к его накоплению Галины родители, по своей нерасторопности, ещё не приступили. Так что, в конце концов, счастливое слияние двух любящих сердец пришлось отложить на неопределённый срок.

В виду того, что детям разрешалось проводить столько свободного времени в обществе друг друга, сколько они хотели, решительных возражений не последовало, и влюблённые согласились ждать. Однако несколько месяцев спустя разыгралась настоящая трагедия.

Галины родители неожиданно объявили дочери, что вся их семья переезжает на север, поскольку у папы появилась прекрасная возможность подзаработать, а заодно и продвинуться по службе. Слезы текли рекой. Снова была сделана попытка скрыться вдвоём с Костей в неизвестном направлении, по счастливому случаю вовремя предупреждённая районным участковым. Оба ребёнка попеременно отказывались есть, саботировали походы в детский садик, убежали с тренировок.

В последний день перед расставанием они поклялись друг другу в верности до гроба и пообещали как можно скорее выучиться писать, чтобы на протяжении всего периода разлуки иметь возможность общаться посредством почты.

Костя долго страдал после Галиного отъезда. Писать он действительно научился, едва перейдя в подготовительную группу детского сада, чем поверг в крайнее изумление своих родителей, воспитателей, и всех прочих взрослых, коим случалось узнать о сём удивительном факте.

В конечном итоге, на север было отправлено три наивных, но очень тёплых письма, однако ни на одно из них ответа так и не пришло. Может быть, адрес был неправильным, а может, в Галиной жизни произошли какие-то кардинальные перемены, воспрепятствовавшие продолжению их связи.

Так или иначе, встретиться ещё раз Гале и Косте было не суждено...

И всё-таки, как в народе говорят: беда да мука – та же наука. Через полгода «траура» Костя вновь стал поглядывать на слабый пол и оказывать ему знаки своего детского внимания, подкреплённого теперь уже вполне весомым и уникальным в его возрасте опытом. Некоторые девочки шарахались от него как от шкодливого сорванца, решившего сыграть с ними злую шутку, а некоторые оценивали Костины старания по достоинству.

Любой ребёнок стоит гораздо ближе к источнику жизни и света, нежели скованные годами рутины и полностью растерявшие связь с божественным взрослые. Вкусив от запретного плода, последние способны раз и навсегда придать забвению вещи, которые призваны были дарить человеку настоящую радость и ощущение гармонии со вселенной. Ребёнок не может поступить таким образом. Ему помогает само мироздание, и всякий раз, когда земные соблазны начинают сверх меры одолевать юное существо, обязательно происходит событие, полностью восстанавливающее пошатнувшийся было духовно-телесный баланс.

Школа – по крайней мере, её начальные классы – подействовала на Костю именно таким образом.

С одной стороны, в новой обстановке его чрезвычайно порадовало обилие претенденток на романтический контакт. Но с другой стороны, именно от этого обилия очень быстро начинали разбегаться глаза. Общаясь со сверстниками, Костя понял, что в таком затруднительном положении оказались и многие его одноклассники.

Вышло так, что в свой 1-ый «Б» он попал вместе с товарищем по подготовительной группе детского сада, Валеркой, который, также как и Костя, ещё будучи дошкольником, выделялся равнодушием к женскому полу. Именно Валерка сформулировал тогда их новую миссию на амурном поприще. В ответ на постоянно возникающие проблемы с выбором, он смело предложил от выбора отказаться вообще, то есть заменить христианскую позицию «или-или» на мусульманскую «и-и» – по принципу: «если б я был султан...».

Реализовать такую амбициозную формулу на практике оказалось невозможным, и очень быстро друзьям пришлось перенести львиную долю своего интереса в теоретическую область.

Со временем это превратилось у них в подобие соревновательной игры. Встречаясь на переменах и после уроков, приятели с упоением рассказывали друг другу, в какую по счёту даму сердца им удалось влюбиться в этот день. Списки чудесных побед росли на глазах. В пике этой героической деятельности юным донжуанам удалось заключить в свои воображаемые гаремы четверть девчонок их параллели, несколько второклашек, а также обширное количество знакомых по микрорайону и спортивным секциям.

Невинное занятие начинало приобретать космические масштабы, и любовь, не стеснённая рамками единственного несовершенного объекта, уже оказывала своё благотворное влияние на мечтательные детские умы.

Мальчики шли прямой дорогой к раннему просветлению, и миновать его им вряд ли бы удалось, не подойди тогда первый учебный год к логическому завершению, и не начнись весёлая и беспшашная пора летних детских каникул.

Костя был увезён к бабушке с дедушкой в Геленджик, где он впоследствии проводил каждое лето вплоть до десятого класса, и лишённый товарищеской поддержки вынужден был переключить своё внимание с бесчисленных «журавлей» в московском небе на соблазнительных приморских «синичек» штучного образца.

Вдохновлённый опытом служения идеалам совершенства, Костя забыл о своём перекосе в область корпоральных переживаний, и начал смотреть на юных представительниц слабого пола, в первую очередь, как на произведения искусства.

Глава третья. Бельгия, Гент, июнь 2006.

Будучи украинцем по происхождению, Эдик имел редкую в славянском мире особенность: он с детства увлекался латынью и сыпал модными цитатами направо и налево.

С Костей они познакомились, как это часто бывает за границей, в русском магазине, эдакой отдалённой копии современных российских сельпо.

Тогда же состоялась и их первая (но далеко не последняя!) совместная дегустация. В пивном вопросе Эдик, к великой Костиной радости, оказался человеком более чем сведущим, а о бельгийской географии и достопримечательностях познаниями обладал просто феноменальными.

С момента переезда в Бельгию он начал интересоваться всем, что было связано со сверхспособностями, целительством, эзотерическими школами, божественными откровениями, Шамбалой, древними могущественными цивилизациями и всякого рода просветлениями и просветлёнными.

Не сказать, чтобы это кипучее хобби реально способствовало каким-то переменам в давно устаканившемся течении Эдиковой жизни, но вот объём информации, который сие занятие оставляло в его неутомимой голове, был поистине впечатляющим.

Пока Эвелин созерцала облако, точнее, его осколки, Костя отчаянно гримасничал, пытаясь объяснить Эдику сложившийся расклад. Главным действием его пантомимы было скашивание обоих глаз в сторону левого уха с намеренно ассиметричным поднятием бровей.

Допустить, чтобы Эдик проявил чудеса летней (или послефутбольной) отупелости и всё-таки подошёл к их столу, было никак нельзя. Радостную встречу старых приятелей в пивном баре в центре Гента он вряд ли бы смог объяснить новой знакомой, принимая в расчёт всё, что наплёл ей до этого.

К счастью, Эдик оказался в состоянии вовремя оценить деликатность ситуации и правильным образом воспринять Костины сигналы. Он плюхнулся за свободный столик метрах в четырёх от того места, где расположилась пара, и вознамерился, по всей видимости, подслушивать. Но даже в условиях Эдикова шпионажа Костя ощущал в себе достаточно сил для продолжения своей невинной импровизации.

Тем временем Эвелин, похоже, нагляделась на результат человеческого вмешательства в дела природы, и её зачарованный взгляд опустился на виновника этого странного инцидента.

– Если честно, не понимаю, как такое возможно... – почти шёпотом произнесла она. – Объясни, пожалуйста, в чём фокус?

На последней фразе её голос снова обрёл свою мягкую вкрадчивость, и Костя почувствовал, как волна мурашек пробежала по его спине.

– Давай сначала чокнемся за наше знакомство. Не возражаешь? А то я уже начинаю сохнуть от жажды. Тебе помочь?

Эвелин одобрительно кивнула, и Костя опытной хваткой заядлого пивомана взял в одну руку чашеобразный стакан Orval, а в другую – уже откупоренную официантом одноимённую бутылку. Наполнив стакан по всем правилам барменского искусства, он поставил его перед девушкой и тут же поднял свой.

– За чудеса, которым всегда должно быть место в нашей жизни, и за тебя!

– За наше знакомство!

Они оба слегка пригубили холодную и обильно пенящуюся траппистскую амброзию, после чего Эвелин подняла на Костю полный томительного ожидания взгляд.

– А ты случайно не гипнотизёр? – неожиданно спросила она.

Костя не выдержал и рассмеялся.

– Да ты что?! Посмотри внимательно, разве есть во мне хоть какая-то черта, которая могла бы указывать на гипнотические способности? Глаза у меня голубые, волосы каштановые, голос не властный. Да и вообще. Чего ради я бы стал гипнотизировать незнакомую девушку в людном месте да ещё среди бела дня? И, главное, как смогло бы это остаться совершенно никем незамеченным?

Эвелин не ответила.

– Или ты думаешь, что облако и сейчас на месте, и тебе только кажется, что оно распалось на пять маленьких кусочков?

– Но ветра же не было. Из пушки по небу тоже никто не стрелял. Была одна большая туча, которая вдруг ни с того ни с сего превратилась в несколько маленьких облачков. Из-за чего? Я не понимаю.

Она замолчала, но не надолго.

– Предположим, такие вещи действительно могут происходить в атмосфере. Хотя я ничего подобного не видела и не слышала. Но откуда ты мог заранее об этом знать?!

– Я ничего не знал, Эвелин. Всё значительно проще, чем ты думаешь.

В глазах девушки появилась забавная смесь недоверчивости и любопытства. Она ждала разгадки, как ждут её от хитрого фокусника-любителя, чья ловкость рук уже успела в достаточной степени заинтриговать скептически настроенную публику. Конечно же, фокус должен был иметь самое заурядное, сугубо материалистическое объяснение – как же иначе?

– Вот, когда в мае 2005 года на Ляйдсе Пляйн в Амстердаме вышел один 27-летний почитатель искусства индийских факиров и целый час провисел в воздухе в позе лотоса, имея в качестве опоры только одну вертикально стоящую бамбуковую палочку, подоткнутую под левое колено, – вот это был фурор! В газетах про него писали, даже на телепередачу одну затащили, где он повторил свой номер. Журналисты уж и так, и эдак руками под ним водили, но не было там ничего. Висел человек в воздухе, и плевать ему было на чьё-то неверие. Вот таким «фокусам» действительно долго учиться надо. А облачко рассеять – это, по сравнению с левитацией, детский сад.

Девушка по-прежнему не выражала намерения говорить, и Костя решил её немного подбодрить:

– Эвелин, ты меня извини, конечно, но я себе никогда не прощу, если твоё пиво окончательно выдохнется до того, как ты успеешь его выпить. Да и закусок у нас ещё целая гора.

– Так ты, что, хочешь сказать, это действительно твоих рук дело? – произнесла она, наконец.

– Ну, не совсем рук... Сказать по правде, я и сам ещё толком не разобрался, как такие штуковины происходят. Может быть, я интуитивно чувствовал, что облако должно распасться, и выстроил свои действия таким образом, будто распад был их результатом. Может, какой-то телекинетический импульс на самом деле возник. Я не уверен. Но фокус-то, по правде сказать, гроша ломанного не стоит. Если хочешь, могу научить.

По лицу Эвелин было очевидно, что внутри у неё шла напряжённая борьба.

– Ты думаешь, у меня получится?

Почти неуловимая фальшь, с которой девушка выражала сомнение, придала Косте новый заряд амурного оптимизма.

– Если будешь верить в свои силы и не станешь бояться, обязательно получится. Это всего-навсего небольшое упражнение по внутренней концентрации и фокусированию внимания на собственных желаниях. Выбери какое-нибудь из пяти маленьких облачков, посмотри на него внимательно, потом на чистое небо рядом с ним. Попытайся ощутить глазами разную плотность материи в обоих случаях: когда ты смотришь на облако, должно возникать ощущение лёгкой, едва уловимой преграды.

Лицо Эвелин сделалось серьёзным. Она снова подняла глаза вверх и стала, не моргая, всматриваться в пятёрку сероватых пятнышек, которые были похожи на стайку молодых ягнят на пастбище. Костя попытался поймать боковым зрением столик, за которым устроился Эдик, но для того, чтобы сделать это, необходимо было повернуть голову градусов на сто шестьдесят: Эдик сидел почти за его спиной и имел непрерывное удовольствие наблюдать Эвелин в профиль.

Ничего не оставалось, как притвориться, будто его чрезвычайно заинтересовали детали окружающей обстановки: металлический парпет, обрамляющий каменную набережную, горшки с цветами, висющие на нём, маленький прогулочный катер, стоявший внизу на приколе и симпатичные дома по обеим сторонам реки.

Затем он обернулся.

Эдик, как и ожидалось, не спускал глаз с их столика и при этом жадно прихлёбывал своё любимое Westmalle Dubbel, которое в Ватерхаусе всегда подавали на розлив, и которое тоже, к слову сказать, было одним из шести бельгийских траппистов.

Встретившись с Костей взглядом, Эдик мгновенно просиял как блаженный на иконе и тут же поднял вверх большой палец свободной от стакана руки. Слышно, по всей видимости, ему было далеко не всё.

Перед тем, как Костя отвернулся, Эдик успел сделать призывный жест в направлении дверей бара, но ответа так и не получил: Костя уже не смотрел в его сторону, он был снова вовлечён в разговор с Эвелин.

– Ты знаешь, может быть, мне это только показалось, но я действительно почувствовала разницу плотности, о которой ты говорил.

– Ну, разумеется, почувствовала! Если бы ты не могла её почувствовать, то вряд ли бы стала свидетелем этого маленького фокуса. Определённые вещи человек может увидеть, только будучи готовым к «зрелищу»...

Костя выждал небольшую паузу.

– Теперь попытайся немного «прощупать» облако глазами: тебе нужно определить, где у него самое «слабое», или правильное сказать, самое разряженное место.

Эвелин снова погрузилась в увлекательное исследование, но на сей раз возобновила разговор гораздо быстрее, так что Костя не успел даже мельком взглянуть в сторону Эдика:

– Кажется, нащупала.

– Умница! Теперь постарайся удерживать внимание именно на этом месте и, одновременно, слегка расфокусируй взгляд.

– Так... Вроде получилось. И что дальше?

– Как можно явственней представь, что облако растворяется по твоему желанию. Ни в коем случае не моргай! Должно пройти некоторое время прежде, чем появятся первые изменения. Просто сосредоточься и жди.

Заняв таким образом свою спутницу, Костя, в конце концов, всё же изловчился ещё раз обернуться и подать Эдику утвердительный знак: «мол, сейчас всё устроим».

– Эвелин, – произнёс он осторожно, чтобы не слишком потревожить девушку, – ты пока экспериментируй. Нужно максимально освободить голову от мыслей. Чтобы осталось только лишь одно желание растворить облако. Больше ничего. А я тем временем прогуляюсь, взгляну на бар изнутри.

Девушка была поглощена своим первым магическим опытом и ничего не ответила. Пользуясь моментом, Костя поспешно встал, призывно махнул Эдику рукой и с лёгким сердцем направился в помещение Ватерхауса.

Как только двери бара за ними закрылись, Эдик заговорил с Костей в своей обычной экспрессивной манере:

– Ты когда успел-то, друг мой сердечный? Неутомимый ты наш!
– Не тот успевает, кто торопится, но тот, кому некуда спешить... – многозначительно изрёк Костя.

– Ладно, колись давай. По дороге, что ли, подцепил?

– Ну, и жаргон у вас, Эдуард! Большинству обывателей невдомёк, что пути господни неисповедимы. Но вам-то это должно быть известно как никому другому.

– Местная?

– Более чем.

– Надо же. А ещё совсем недавно кто-то говорил: «не видать мне, мол, счастливого фарта из-за грусти по даме червей»...

– Так ведь и я о том же, родной мой! Чтобы событие произошло, момент должен вызреть. Cause and effect, так сказать, – причина и следствие.

– И в чём же здесь была причина, позволь спросить?

– В чём, в чём... Эдька, ну чего ты ко мне пристал? Извини, ради Бога, что у меня всё так спонтанно произошло. Но ведь в этом-то вся и соль – ты ж понимаешь.

– Понимаю... – со вздохом ответил Эдик. – А чего вы с ней на небо-то в четыре глаза таращились?

– Да так, любовались атмосферными явлениями...

– Облака разгоняли?

– Ага.

– Вот, блин! Научишь тут всяких на свою голову, а они потом...

– А что? Великолепный метод, рекомендую.

Рекомендовать Эдику методы «подката» к особам противоположного пола было эквивалентно рекламированию геля-фиксатора для волос армейским новобранцам. Честный и счастливый семьянин, он имел беспорочную репутацию. Костя знал это очень хорошо и специально применил такой упреждающий приём, дабы избежать утомительных расспросов.

Оказавшись первым у дверей единственной в этом заведении мужской кабинки, он решил не проявлять чрезмерную галантность и оставил приятеля ждать своей очереди в предбаннике. Эдик попытался, было, продолжить диалог через стенку, но, к счастью, в туалет вошёл кто-то из посетителей бара, и оживлённые дебаты пришлось остановить.

– Важно не где, как и когда, – заявил Костя весомо, когда они вышли из туалета. – Важно то, что будет потом! Короче, Эдька, если сегодня поговорить с глазу на глаз не удастся, созвонимся завтра. Хорошо?

– Ладно, разумию я всё, не дурак. Иди, развлекайся дальше, «герой не нашего времени и не наших краёв». Только с облаками там смотри не переусердствуй, а то ведь сам понимаешь. Пенять тогда не на кого будет...

– Эдюньчик, не переживай! Я твои инструкции отлично помню.

Эвелин уже допила свой бокал, но новый заказ, по всей видимости, отложила до его прихода. Половина закусок оставалась не тронутой, и, по крайней мере, ещё один пивной раунд был им гарантирован.

Пробираясь к девушке, Костя с удовлетворением отметил, что все мужчины на террасе исподтишка кидали взгляды на её роскошные волосы и точёный профиль. Даже те, кто пришёл сюда вдвоём, с жёнами и с подругами.

Как только публика засекла Костино приближение, вибрации симпатий и здоровой мужской коллегиальности начали пронизывать тёплый вечерний воздух с такой силой, что не почувствовать их было нельзя.

– My fair lady, – сказал он, ощущая себя актёром Голливуда, только что получившим «Оскара» за лучшую сценическую игру, – простите великодушно, что заставил вас ждать... Бар изнутри оказался действительно великолепным!

- Я знала, что тебе понравится. Кстати, у меня почти получилось.
- Почему «почти»? – спросил Костя и тут же посмотрел на небо.

Четыре маленьких барашка продолжали висеть каждый на своём месте, не изменив очертаний. Пятый же покрылся за время Костиного отсутствия мелкими дырами и превратился в нечто размытое.

- Отличная работа, Эвелин. Поздравляю! Для первого раза очень даже неплохо.
- Хотела растворить его всё, но, видимо, силёнок не хватило.
- Чепуха! Я начинал с куда меньших облаков, и растворяться они у меня стали далеко не сразу.

Костя на мгновение задумался, после чего продолжил:

- А ты ведь не новичок в этих делах, сознайся?
- Что ты имеешь в виду? – ответила вопросом на вопрос Эвелин и недоумённо подняла брови.

– Я имею в виду магию, бытовые чудеса. У тебя ведь был уже какой-то опыт в этой области?

- В магии?! С чего ты взял?

– Видишь ли, абсолютно неподготовленный человек вряд ли бы смог за пять минут до такой степени «искромсать» несчастное облако. Для этого нужна вера. А вера у большинства взрослых возникает только в результате соответствующего опыта.

– Ты хочешь сказать, что, не будь я знакома с «потусторонними» вещами, моё цивилизованное неверие блокировало бы необходимый душевный импульс?

Подобную тираду Костя никак не ожидал услышать из уст своей очаровательной собеседницы и слегка опешил.

- М-да... С тобой не соскучишься.

– Прости, пожалуйста. На самом деле, кое-что я действительно знаю, хоть и весьма поверхностно. Одна моя близкая подруга занимается шаманством. Меня много раз приглашали в их круг, но я всё время отказывалась. Была у них на слётах, видела, как это происходит: бубны, экстатические танцы и всё такое прочее. На погоду, кстати, они тоже умеют воздействовать, но не так явно, как ты сегодня. У них это больше похоже на заговор: жару сменить на прохладу, дождь разогнать или, наоборот, приманить, и тому подобное. А в основном, они с людьми работают. И с духами.

- Вау! А что, в Бельгии есть шаманы?

– Да где их сейчас только нет? Бельгийский круг тесно связан с голландским и с немецким. Он, по-моему, самый многочисленный из этих трёх. Голландцы и немцы на слёты в Бельгию постоянно приезжают. А ещё, говорят, во Франции большая группа есть. Но корни все не местные. И центр не в Европе находится. Самые мощные и именитые шаманы из тех, с которыми общаются европейцы, живут сейчас на Алтае. Периодически оттуда кто-нибудь прилетает, чтобы учить здешних оккультным тонкостям и сложным ритуалам.

- Гм... Мир тесен.

- В каком смысле?

- В прямом. Алтай ведь находится в России.

- Ну, и что?

- Ничего. Просто я там родился.

- Серьёзно?! Так ты русский? Вот уж, никогда бы не подумала.

Костя застенчиво улыбнулся.

– На Западе русских обычно сразу вычисляют – по внешности, по выражению лица, по мимике. Но, если человек долгое время живёт за границей, он становится гораздо больше похожим на местного, чем не представителя той страны, откуда приехал. Меня, например, намного чаще принимают за иностранца в Москве, нежели здесь.

Костя сделал небольшую паузу, оглядел террасу, затем многозначительно скосил взгляд на столик и предложил Эвелин заказать ещё по одному стаканчику. Девушка согласилась, и через минуту официант убежал от них с новым заказом. В этот раз к повторному бокалу Orval было присовокуплено ещё одно бутылочное пиво из рода траппистов под названием Achel blond.

Когда новая порция напитков была принесена, и Эвелин по достоинству оценила Костину верность монастырской теме, они возобновили разговор о шаманстве.

Выяснилось, что через неделю должен был состояться новый слёт в Арденнах, неподалёку от городка Ремушан, и Эвелин как раз собиралась поехать туда в качестве зрителя. По словам её подруги, на слёт требовался также мужчина, который смог бы взять на себя кое-какую физическую работу по лагерю, как то разбивку палаток, колку дров, разведение костра, помощь в приготовлении обедов и так далее.

С этого человека не предполагалось брать никаких денег за нахождение на территории – более того, подразумевалось, что он сможет бесплатно наблюдать все занятия, мастер-классы, выполнение ритуалов и даже принимать участие в некоторых коллективных или парных упражнениях.

После данного сообщения знакомство Кости и Эвелин естественным образом получило шанс на продолжение. И Костя, конечно же, не преминул этим шансом воспользоваться. Он дал Эвелин номер своего мобильного телефона, и та обещала ему позвонить, как только выяснит у подруги, свободна ли ещё вакансия лагерного трудяги.

Глава четвёртая. Ретроспектива.

По мере продвижения к середине школьной программы, приоритеты Костиной жизни стали меняться. Нельзя было сказать, чтобы учебный процесс действительно нравился ему и от уроков или домашних заданий он получал удовольствие, но всё же пятёрки в журнале и в таблице ощутимо согревали рвущуюся к самоутверждению в скучном мире взрослых мечтательную душу. Чтобы их получать, требовалось время и усидчивость.

Его жизнь постепенно выстроилась так, что в Москве времени на амур у него почти не оставалось, хотя от одной влюблённости к другой он кочевал до самого окончания десятилетки. На юге же, в отсутствие родительского контроля, и давления школы, он опять превращался в самого себя.

Книжки откладывались до осени, о существовании тетрадок, учебников и списков обязательной литературы для внеклассного чтения благополучно забывалось – полноценная и изобилующая приключениями жизнь становилась самоцелью.

Случилось так, что Костино половое созревание пришлось на время его ослепительного романа с Настенькой, протекавшего во время каникул и вылившегося в оживлённую переписку в периоды разлуки.

Когда после седьмого класса Костя в очередной раз приехал в Геленджик, истосковавшаяся Настенька сразу же утащила его в прибрежный санаторий за городской чертой.

Её мама достала две путёвки, но сама в санатории оставаться не захотела. Заняв вместе с дочерью маленький двухместный домик, она пробыла там три дня, после чего дела заставили её вернуться в город.

На протяжении двух недель влюблённые с утра до позднего вечера наслаждались обществом друг друга. Наверное, мало кто имел такую возможность в четырнадцать лет, но к этой юной паре судьба была поистине благосклонна.

Едва встретившись на остановке, они брались за руки и болтали на протяжении всего пути без умолку. А когда случался момент, и на них никто не смотрел, – например, когда они прыгали на заднее сидение автобуса или же шли по дороге в санаторий, – Костя обнимал Настеньку за плечи и нежно целовал её сладкие губы. Он подолгу вглядывался в удивительное, без единого изъяна, лицо своей возлюбленной и тонул в этой неземной красоте.

Время как будто бы перестало существовать в те блаженные две недели, а бесконечное пространство вселенной сжалось до размеров санатория с его пляжем, двух крашенных железных остановок и рейсового автобуса «ЛиАЗ», циркулировавшего, подобно ладье на древнем Ниле, между местом вечного сна и местом вечной жизни.

Они много говорили о любви, говорили о своём будущем, и никого в целом мире не было счастливее их в эти чудесные дни.

Ночные расставания стоили Косте и Настеньке огромных трудов, но, чтобы следующим утром сказка продолжилась, им приходилось каждый раз невероятным усилием воли брать себя в руки и расходиться по домам.

Иногда Костя просыпался в своей постели оттого, что чувствовал Настенькино присутствие рядом – как будто они лежали в обнимку и целовались или ласкали друг друга.

Настенька говорила ему, что с ней тоже почти каждую ночь происходят подобные вещи. Она рассказывала также, что «видения» с его участием, или, лучше сказать, «галлюцинации», периодически возникали у неё ещё до Костиного приезда. Но тогда они были несколько смутными, чем-то вроде ощущений лёгкого транса, в котором пребываешь сразу после внезапного пробуждения: твоё тело уже бодрствует, но ты по-прежнему находишься в реальности сна. Говорят, что в таком состоянии иногда можно увидеть события, которые скоро произойдут.

Очень часто у них возникали одинаковые мысли, и, когда влюблённые пытались их озвучивать, это вызывало смех, потому что выглядело так, будто два голоса синхронно читают один и тот же текст.

Им не нужно было договариваться о времени утренних встреч, поскольку и он, и она ясно чувствовали, в какой момент каждый из них просыпался и в какой момент выходил из дома.

Один раз Настенька порезалась о стекло по дороге на пляж, и у Кости сразу же возникла нестерпимая боль в области солнечного сплетения – как будто кто-то всадил туда кол или острие ножа, хотя о порезе он узнал лишь несколько секунд спустя.

Для них такие вещи казались сами собой разумеющимися, но когда влюблённые попытались рассказать ребятам в городе о том, как они чувствуют друг друга, их подняли на смех и обвинили в бессовестном фантазёрстве. После этого случая обо всём, что с ними происходило, Костя и Настенька предпочитали помалкивать.

В самый первый день, придя в домик, затворив за собой дверь и сняв босоножки в прихожей, они бросились в объятия друг друга и стали целоваться как сумасшедшие. «Любимый мой... Ненаглядная моя», – шептали их возбуждённые голоса. Каждое прикосновение, каждый вздох заставляли оба сердца стучать всё чаще и чаще. Никакая сила во вселенной не смогла бы воспрепятствовать тому, что должно было произойти между ними.

Настенька первой начала расстёгивать у Кости на груди полосатую хлопчатобумажную ленинградку, которую он специально вытащил из бабушкиного гардероба в то утро, желая придать своему виду немного солидности. Как только рубашка повисла на спинке стула, Костя помог Настеньке избавиться от блузки и коротенькой юбки, после чего, не мешкая ни секунды, расстегнул молнию и скинул прямо на пол свои линялые джинсовые шорты Wild Cat.

Ни он, ни она не заметили, как очутились на одной из двух постелей, стоявших вдоль стен параллельно друг другу и разделённых узким проходом, покрытым старой ковровой дорожкой.

С последними деталями туалета оба расставались в таком страстном порыве, что вряд ли до конца отдавали себе отчёт в эпохальности свершавшегося события. Обоюдное неистовое желание заставляло влюблённых буквально набрасываться друг на друга. Не было такого участка на теле каждого из них, до которого бы не дотронулись в обжигающей ласке руки и губы партнёра.

У них не было опыта, но всё это казалось не важным в те безумные и исполненные высшего блаженства минуты.

Очень скоро от напора Костиной нежности и нарастающего возбуждения Настенька застонала. Её пальцы принялись лихорадочно тереть Костины волосы, с каждой секундой всё сильнее и сильнее цепляясь за его волнистые вихры. Когда заряд сладострастного напряжения, который сообщали её телу прикосновения Костиных губ и языка, стал совершенно нестерпимым, Настенька руками подала знак своему возлюбленному.

Соединиться так, как это было задумано природой, у них получилось не сразу. Сначала Костя пытался сделать всё сам, но, в первый раз увидев развитые женские органы в непосредственной близости от своих, он оказался слегка озадаченным. Почувствовав его затруднение, Настенька была вынуждена прийти на помощь своему неискушённому другу. Через пару минут совместных усилий они наконец догадались, как *это* нужно делать, но, войдя в непосредственный контакт, столкнулись с новым препятствием, которое, впрочем, не явилось для них неожиданностью.

Тело Настеньки чуть содрогнулось от приступа внезапной боли, после чего Костя дал ей возможность прийти в себя. Первую минуту или две она, казалось, совершенно ничего не чувствовала. Костя менял темп, гладил её волосы, нежно целовал шею, губы и подбородок, шептал на ухо самые проникновенные и ласковые слова, но пробудить в Настеньке желание во второй раз оказалось не просто. Он совершенно забыл про себя: кроме любимой девушки,

которой Костя причинил боль и которую он так мечтал сделать счастливой в этот день, для него не существовало больше ничего не свете.

В конце концов, тело Настеньки стало потихоньку реагировать на отчаянный Костин призыв. Ему тут же захотелось, чтобы они достигли кульминации вместе, но, видимо, из-за последствий только что перенесённого болевого шока, у Настеньки так и не получилось до конца расслабиться во время первого в их жизни полноценного соития.

Когда всё закончилось, они долгое время не могли отдышаться. Оба были до такой степени утомлённы, что лишь через десять минут почувствовали себя в состоянии подняться с кровати.

Костя вытащил из холодильника большую тарелку с черешней, и влюблённые радостно набросились на спелые, сладкие ягоды. Приведя себя в порядок, они застирали в общественном умывальнике рядом с домом испачканное кровью покрывало. После чего купили по пломбиру в бумажном стаканчике и отправились на пляж.

Костя был на седьмом небе. Он обещал своей возлюбленной, что в следующий раз непременно сделает всё, как надо. Для объяснения того, что Настеньке вскоре предстояло испытать, он использовал некоторые самодельные выражения, правильной русскоязычной формой которых могли бы быть, к примеру, «глубокое телесное единение» и «сказочный экстаз». Настенька, тем не менее, выглядела слегка разочарованной, хотя, как и раньше, продолжала весело щебетать, улыбаться и отвечать на Костины поцелуи самым искренним образом.

В следующий раз Костя сдержал своё обещание. А через пару дней девочка настолько вошла во вкус, что влюблённые стали прогуливать санаторские завтраки, поскольку, едва сойдя с автобуса, оказывались вынужденными мчаться в заветный домик, чтобы поскорее утолить там свою безудержную страсть.

Вскоре одного раза в день стало им не хватать, и двухнедельный пансион на берегу Чёрного моря превратился в настоящий медовый месяц.

Реальности не знакомо чувство сострадания, и всё прекрасное рано или поздно подходит к концу. Подошло к нему и то сказочное лето.

В последние несколько дней Костиного пребывания в Геленджике влюблённым пришлось серьёзно подумать над тем, как жить дальше. Переплетённые мыслями, чувствами и кипучей пубертатной физиологией, они не могли теперь просуществовать и дня, не видя друг друга. Их уши становились глухими, если подолгу не слышали родного голоса, ноги и руки отказывались подчиняться, когда какая-нибудь враждебная воля расстраивала очередное свидание. Это была Любовь, Любовь с большой буквы – восторженное, трепетное чувство, надеяющее души беззаботностью и счастьем в моменты встреч и являющееся источником невыносимой тоски и убийственной тревоги в периоды разлуки.

В конце концов, обе семьи оказались в курсе происходящего (за исключением, естественно, сексуального опыта). Видя искренность и силу чувств своих детей, мамы и папы озаботились не на шутку.

Родители Кости приехали во второй половине августа в Геленджик, чтобы забрать сына домой, но, поняв, в каком состоянии тот находится, решили отправиться «на переговоры» в Настенькин дом.

Там, как выяснилось, все пребывали в не меньшей растерянности, хотя присутствие Кости, как такового, в жизни Настеньки никого не шокировало.

После дебатов, длившихся три дня, на общем семейном синклите было решено разъехаться по разным городам для продолжения учёбы – ведь, по крайней мере, восьмой класс обоим подросткам закончить нужно было обязательно.

Детям клятвенно пообещали каждую неделю устраивать телефонные переговоры. А уж писать друг другу письма они были настроены не реже одного раза в день. Кроме того на

осенние каникулы Костин папа вызвался слетать с сыном в Геленджик, а на зимние – семья Настеньки должна была приехать в Москву.

Как ни странно, всё, по зимние каникулы включительно, произошло в полном соответствии с достигнутой договорённостью. Дети ежедневно посылали друг другу письма, а на выходных общались по телефону. Осенью, когда Костя приехал в Геленджик, они расставались только на время сна; зимой не расставались вообще ни на секунду, после того как в первый же вечер в ультимативном порядке объявили родителям, что будут спать в одной комнате.

Во время прощаний слёзы лились рекой. Но всё было чудесно, всё было просто замечательно! Любовь их не ослабевала в разлуке, а наоборот, только крепла день ото дня.

После окончания третьей четверти Костя должен был самостоятельно добраться на поезде до Геленджика, но, как назло, за день до отъезда он слёг с температурой под 40, подхватив серьёзнейшую форму гриппа, эпидемия которого бушевала в то время по всей столице.

Пока он немощный валялся в постели и глотал таблетки, Настенька чуть не сошла с ума от горя. Порывалась уехать к нему одна в Москву, но родители её не пустили. Тогда от обиды и боли она отправилась на какую-то молодёжную вечеринку и первый раз в жизни попробовала алкоголь. Дозу, как водится, при этом не рассчитала и очень быстро потеряла координацию и контроль над своими действиями.

Какой-то геленджикский хмырь, который давно за ней увивался, не преминул воспользоваться ситуацией, а она даже не совсем поняла, что между ними произошло. Потом по глупости, или от стыда, не рассказывала о случившемся никому из взрослых. Косте продолжала писать и разговаривать с ним по телефону, но ближе к лету сообщила, что собирается готовиться к экзаменам, и внезапно замолчала.

Когда Костя в конце июня примчался в Геленджик, Настенька сделала попытку спрятаться от него, но встреча всё-таки произошла. И тогда она рассказала ему всё как на духу, сообщив первым делом, что находится на третьем месяце беременности, и что теперь уже ничего не поправишь.

Тому хмырю Костя морду, конечно же, набил, а вскоре, после суда, хмыря ещё и упекли в детскую колонию. Но вот с Настенькой отношения у них, несмотря на все Костины мольбы, прийти в норму так и не смогли.

С чужим ребёнком, рождённым в пятнадцатилетнем возрасте, никакая добропорядочная семья не приняла бы её в свой круг, и Настенька очень хорошо это понимала. Она просила Костю проявить благоразумие и попытаться забыть о ней. Рассказала также, что в мае чуть не покончила жизнь самоубийством.

Костя был безутешен. Находясь в Геленджике и имея возможность видаться со своей возлюбленной, он ещё хоть как-то держался. Но, когда провожая его в Москву, на вокзале Настенька сказала, что больше не будет ему писать, он чуть не бросился с перрона вниз головой под проходящий товарный состав.

Это было самое чёрное лето в Костиной жизни, за которым последовали ещё более чёрные осень и зима. Весь ужас ситуации заключался в том, что нельзя было просто запереться в четырёх стенах и отдаться полностью своей чудовищной тоске. Нужно было ходить в школу, общаться с одноклассниками, отвечать на уроках, заботиться о каких-то оценках и изображать из себя бодрого и довольного жизнью юношу.

Только с приходом тепла Костя начал потихоньку оживать. Шутка сказать – больше полгода он как будто бы отсутствовал на этой планете. Для него не существовало ни города, ни веселья, ни друзей, ни девушек. Ничего. Придя из школы домой и наспех сделав уроки, он брал в руки книжку и тупо бегал глазами по строчкам, или же приклеивался к телевизору и смотрел все передачи подряд.

Чудом было то, что он не сошёл с ума, не перерезал себе вены и не выбросился из окна за эти долгие месяцы душевного небытия. Костя научился быть скрытным и ходить с постоянной маской на лице. Он понял, как хрупок мир вокруг него, как недолговечно счастье, и какими страданиями может внезапно обернуться самое светлое и самое возвышенное человеческое чувство. Он понял, как это ужасно – быть взрослым...

Глава пятая. Бельгия, Гент – Вестфлейтерен, июнь 2006.

Уже за завтраком Костя вспомнил, что никаких планов на субботу у него не было. Могла, конечно, позвонить Эвелин насчёт шаманского слёта, но ориентироваться на её звонок явно не стоило. Даже если б она и позвонила, то совсем не для того, чтобы сообщить ему о своём желании встретиться.

Проявлять же чрезмерную настойчивость во второй день знакомства было, по Костиному разумению, не дальновидно. Уж что-что, а подобные тонкости женской натуры он изучил со всем тщанием: стоило только показать девушке, которая тебе понравилась, свою заинтересованность – и пиши «пропало». А данный случай был для него достаточно уникальным, чтобы так бездарно позволить ему кануть в лету.

Нет, сегодня требовалось занять себя чем-то более прозаичным, но, по возможности, не менее душевным.

Идея родилась сама собой. Она, может, не блистала оригинальностью, но тривиальное получение удовольствия гарантировала. Костя решил позвонить одному бельгийцу – своему старому другу и коллеге по работе.

– Салют, Рене! Это Константин. Как поживаешь? – произнёс он в трубку сразу после того, как его товарищ на другом конце провода в стандартной голландской форме подтвердил, что отвечает на звонок именно он.

– Спасибо, не плохо. Только что позавтракал и теперь вот думаю, чем бы таким особенным мне сегодня заняться.

– Отлично! Я как раз по этому поводу тебе и звоню, поскольку не далее как пять минут назад сам пребывал в похожем состоянии. Скажи, ты когда последний раз был в Вестфлейтерен?

– Да уж с месяц как, наверное. Может, полтора. А что?

– Не догадываешься?

– Ты в том смысле, что каждый человек должен стараться подпитывать ноосферу Земли своими положительными эмоциями, дабы не случилось в один прекрасный день чего-нибудь скверного с нашей планетой?

– Именно так! Я всегда восхищался твоей способностью сходу улавливать суть, Рене.

– Ну, и как же выглядит твой план при более детальном рассмотрении? Я имею в виду: как выглядят его пространственно-временные характеристики?

– С континуумом, я думаю, мы разберёмся, это вопрос вторичный. Мне сейчас надо ещё Эдику позвонить, а то я его вчера кинул в Ватерхаусе. Узнаю как у него со свободным временем – тогда и договоримся поточнее.

– Хорошо. Я Алексу звякну – он, возможно, присоединится.

– Ну, вот и чудненько! Давай, готовь душевные фонтаны к праздничному фейерверку. До связи.

Присутствие Алекса на их посиделках вносило некоторый диссонанс в уже нарисовавшуюся, было, в Костином воображении пасторальную идиллию. Но, так как ничего поделать с этим он уже не мог, лишний раз напрягаться по столь незначительному поводу тоже не имело смысла. В конце концов, в группе из четырёх человек любые индивидуальные нюансы так или иначе отходят на второй план.

Не то чтобы Алекс был неприятен Косте. Но у любого русского человека традиционной ориентации есть рудиментарная фобия ко всем геям и бисексуалам.

Ещё в начальной школе Костя услышал однажды тематически переработанное четверостишие из популярной детской книжки и уже тогда сумел оценить его непреходящую нравственную ценность:

Кроха-сын пришёл к отцу,
И сказала кроха:
Пися в писю – хорошо;
Пися в попу – плохо!

В Костином случае, даже пять лет голландского либерализма не смогли до конца исправить эту жёсткую этическую парадигму.

Дело в том, что Алекс совершенно не скрывал своего влечения к симпатичным представителям обоих полов. Костя не понимал, почему Рене поддерживает такие тёплые отношения с Алексом, почему таскает его везде за собой. Сначала у него даже возникли определённые подозрения на счёт своего товарища, и только после того, как Рене прямым текстом объявил, что к мужчинам интереса не имеет, Костя успокоился.

Алекс был голландцем. Несколько поколений его предков прожили на родине знаменитого художника семнадцатого века Яна Вермеера, в городе Дельфте. Почему Алекс выбрал местом учёбы Гентский университет, Костя не понимал. Все его знакомые голландцы с аналогичными сексуальными пристрастиями Родины старались не покидать, поскольку в результате этого можно было запросто угодить «из князей в грязь». Ведь второй страны, где с таким трепетом относятся к педикам и лесбиянкам, в мире не существует.

Голландским равнодушием к половым отклонениям пытались воспользоваться, кстати, и некоторые беженцы из бывшего Советского Союза.

В середине девяностых проскочил между заинтересованного народа слухок, что версия гомосексуализма в Нидерландах является просто-таки ломовой, и что с заявившими себя в соответствующем качестве просителями тамошние власти начинают нянчиться как с грудными детьми: сразу же выдают на руки вид на жительство; затем, по истечении срока, без всяких проволочек, – гражданство; предоставляют льготы в получении социального жилья, помогают при устройстве на работу.

Поначалу так оно и было. Но вскоре доля «нетрадиционщиков» среди искателей лучшей жизни на чужбине стала подозрительно высока, и голландцы решили нормализовать усилившийся приток сексуально «униженных и оскорблённых» в их страну при помощи оригинального метода проверки. Каждого, кто по приезду в Нидерланды объявлял себя гомосексуалистом, они подсадили на некоторое время к специально подготовленному (и должным образом материально поощряемому) адвокату-педикю.

Большинству таких экстремалов не доставало необходимого опыта, и служитель закона, совместив полезное с приятным, как правило, забраковывал обманщика, если не обнаруживал у него некоторых характерных особенностей поведения или, к примеру, оказывался вынужденным лишиться одного «голубой невинности».

Случалось, люди не выдерживали и ломались. Тогда бедным мученикам приходилось возвращаться на родину и скрывать подробности своей эмигрантской авантюры.

За это, впрочем, их вряд ли можно было осуждать. А вот «герои», которые выстояли до конца и сделали голландскими подданными, могли вернуться к своим былым приоритетам, увы, не всегда.

Геев в Нидерландах нельзя было обижать – ни прямым словом, ни намёком, ни даже взглядом, потому что на стороне homo, как они себя называли, стоял закон и десятилетия тяжёлой борьбы целой нации за права человека.

При общении с ними требовалось улыбаться и всем своим видом показывать, что ты воспринимаешь их как совершенно нормальных людей, таких же как ты сам. Хуже всего приходилось тем неискушённым натуралам, у которых гей оказывался непосредственным начальником, поскольку в этом случае двусмысленные шутки (а иногда и не только шутки) приходилось выслушивать уже им самим.

Поначалу такая ситуация казалось Косте совершеннейшей дикостью, однако со временем он ко многому привык и начал смотреть на геев как на некрасивых женщин, которые своим существованием ни коим образом не нарушали законов природы и не посягали на библейские святыни, однако тесную дружбу с которыми он не водил.

Общим советом постановили использовать для поездки Костину бэжу. Всё-таки классом и вместительностью она превосходила личные средства передвижения остальных членов компании.

Эдик жил на Пеперстрат, недалеко от площади святой Елизаветы, и Костя решил подобрать его первым. Пока ехали через центр, разговор зашёл о подробностях вчерашнего вечера. Эдик сразу же возбудился. Его интересовало всё, что происходило после того, как «сладкая парочка» покинула Ватерхаус.

Костя стоически отбивался.

Он был вынужден три раза в деталях рассказать Эдику, как проводил девушку до Площади коммерции, куда Эвелин направлялась с самого начала, а потом в крайнем умиротворении пошел домой. У святого Якоба он, конечно, не удержался и заскочил в «Погребок троллей», где пропустил кружечку фирменного, «тролльского». Ну а после кружечки, ощутив ещё большую гармонию с миром, не спеша, перебрался к себе в квартиру – досматривать голландцев с Кот д'Ивуаром.

Та часть истории, в которой упоминался «Погребок», показалась Эдику вполне достоверной, а вот насчёт всего, ей предшествовавшего, он так и остался в некоторых сомнениях. Костю это несколько не волновало. «Неверующим ведь безразлично, старался ты их убедить или нет: они всё равно не уверуют».

Алекс был уже у Рене, и, когда русскоязычная часть тусовки подкатила к площади святого Петра, где Костин бельгийский друг снимал роскошные апартаменты, оба стояли на улице в ожидании экипажа.

Худосочный Алекс был одет, по своей привычке, в стиле «унисекс», но без типичных зауженных рукавчиков, глянцевого обтягиваемости и приподнятого воротничка. Костя возрадовался. «Хоть видом своим компанию стеснять не будет, и то ладно».

Пока выезжали из города в направлении автобана E17, Рене, могучий рост которого делал пятьсот пятидесятый экзекютив шопинговым автомобилем для женщин, выложил Косте последние конторские новости. Клаудия из HR передавала ему приветы и поцелуи, а в понедельник всему офису предстояла поездка в Амстердам на очередной тренинг.

При виде указателя с надписью Nazareth компания плавно перешла на евангельские темы. Начитанный Эдик тут же поведал всему экипажу, что Христос родился отнюдь не в Назарете и даже не в Вифлееме, «тёзка» которого тоже имелся в Бельгии, а под сводом пещеры вне населённых пунктов.

– С ума сойти! – неподдельно изумился Алекс. – Вы, русские, что, все такие просвещённые? У нас Евангелия до последнего времени в школах преподавали, и то мы ни ничего не знаем. А вы, из глубокого атеизма восставшие, речёте как по писанному.

– Ну, зато у вас с другими вещами всё тип-топ, – не удержался от намёка Костя, и Рене в очередной раз был вынужден взять на себя роль миротворца:

– Как ты сам недавно говорил, в обществе всё развивается по кругу, Константин. Запад устал от догматических церковных бредней и сейчас просто-напросто «отдыхает». Россия же

пресытилась поповской религией и прочим общественным идиотизмом девяносто лет назад – поэтому вы и устроили революцию. После, за годы коммунизма, ваша страна вылечила свой недуг и теперь со вполне объяснимым рвением пытается возродить Феникса из пепла. Не исключено, что в будущем такая же участь ожидает и Европу. А сейчас здесь растаскивают по кирпичикам те устои, на которых базировалась западная цивилизация на протяжении двух последних тысячелетий. Хорошо это или плохо – не нам судить. Мы ведь с тобой, помнится, как-то разговаривали на эту тему. Ты ещё на Коран тогда ссылался – что, мол, все признаки близкого конца света на лицо: мужчины живут с мужчинами, женщины с женщинами, природные катаклизмы по всему миру учащаются, эпидемии новых трудноизлечимых болезней вспыхивают; единственно, что солнце на западе пока не встаёт. Помнишь?

– Да, ладно, Рене. Я ведь просто так, для поддержания беседы...

– А ты что, Константин, и Коран тоже читал? – нарочито вежливо поинтересовался Алекс.

– Нет, до этого пока не дошло. На предыдущей работе общался немного с мусульманами, там и просветился.

– Но ты, правда, считаешь, что скоро всё кончится?

– Понимаешь, Алекс, мнение отдельно взятого человека не играет в нашем мире абсолютно никакой роли. Даже если всё население Земли будет в чём-то единодушно уверено, то ещё не факт, что реальный мир захочет под эту уверенность подстроиться. Я знаю только одно: «Всяк забывающий о цели своего прихода сюда наказан будет». И, если в забывчивость впадёт целое человечество, планета может запросто превратиться в один большой «Титаник».

– Пессимистично как-то... Ты не находишь?

– Отчего же пессимистично? У подобной черты наша цивилизация стояла не раз. Две тысячи лет назад, кстати, именно такой момент и был...

– Намекаешь на то, что без мессии нам и в этот раз не обойтись?

– Да ни на что я не намекаю, Алекс. И в мрачном настроении, как ты сам видишь, пребываю не часто.

– А всё-таки что за «цель» ты упомянул, если не секрет?

– Эдуард! – воззвал к своему притихшему товарищу Костя. – Народ требует подробных объяснений. Выскажитесь, пожалуйста, если вам не трудно.

Эдик встрепенулся, потратил несколько мгновений на то, чтобы собраться с мыслями, и бодро начал:

– Апокалипсис, мои дорогие, – это не поповское изобретение. Номо proponit, sed dues disponit, – как говорили в Древнем Риме. – Человек предполагает, а Бог располагает. Существует множество исторических свидетельств, которые указывают на начало двадцать первого века как на кризисный период в жизни нашей цивилизации. Библия и Коран повествуют только лишь о том, что человечеству предстоит пройти через тяжёлое испытание, в результате которого основанная часть населения Земли может погибнуть. Пророчества Нострадамуса уточняют примерное время наступления этого кризиса, ссылаясь на рубеж тысячелетий. Так же не совсем определённо говорят о данном периоде и некоторые египетские, индийские и тибетские источники. Но самые аккуратные из известных на сегодняшний день предсказаний содержатся в документах, обнаруженных в Центральной и Южной Америке, на местах поселения древних майя и инков. Если верить расшифровке найденного в Мексике майянского календаря, то эсхатологическую катастрофу следует ожидать около 2012 года. На тот же срок указывают и перуанские послания инков. Индейцы не говорят, впрочем, о конце света – не нужно впадать в широко распространённое заблуждение. Их расчёты приводят к этой дате только лишь в контексте резко изменяющейся энергетической обстановки на Земле, что, само по себе, означает границу двух эпох, за пределами которой может существовать только качественно «изменённое» человечество или никакого человечества вообще.

– Лихо! Это, что же, через шесть лет всё здесь накроется медным тазом? – скептически нахмурился Рене.

– Да, нет, – ответил ему Алекс. – Если я правильно понял Эдуарда, то шанс у нас есть. Мне только не совсем понятно, в чём конкретно этот шанс заключается. Иными словами, кто и что должен делать, чтобы мы из старой эпохи благополучно перешли в новую?

– Да какого чёрта! – не унимался Рене. – На Марс или Луну нас за шесть лет всё равно перевезти не успеют. А здесь, если метеорит какой грохнется, или потоп начнётся с километровыми цунами, то, что бы мы ни делали, нам конец.

– Рене, не кипятись, – беззаботно произнёс Костя. – Не всё так безнадежно, как ты думаешь. Один украинский весельчак составил недавно замечательную формулу для людей с чувством юмора: «Оптимисты верят в счастливый конец света»... Эдуард, продолжайте ваш дискурс.

Эдик решил повернуться к развалившимся на заднем сиденье «иностранцам», чтобы слова, которые он собирался произнести, ни коим образом не минули их ушей:

– Исчезнуть планета могла уже такое количество раз, что и говорить об этом не стоит. Однако мы с вами пока ещё находимся здесь, пьем пиво и радуемся жизни.

– Ну, так, может, это ерунда всё – с Апокалипсисом?

– Не хочу тебя огорчать, Рене, но, на самом деле, Земля не настолько устойчивая система, как многие полагают. Вернее, не сама Земля, а те тепличные условия, которые обеспечивают существование животного мира на ней, включающего и одно из самых сложных созданий природы – человека. Как говорится, *fortune libido gentibus moderatur* – прихоть случая управляет миром. Если посмотреть на тектонику земной коры, проанализировать схему возникновения цунами, торнадо и прочих неприятностей, то можно очень быстро прийти к неутешительным выводам. Вероятность возникновения катаклизма, который оказался бы летальным для основной части населения планеты, будет вовсе не нулевой. И даже не стремящейся к нулю! А ведь, кроме спонтанной наземной и подземной активности, существуют многочисленные космические объекты, падение которых на Землю было бы равнозначно атомной войне. Не забудем ещё про хаотические вспышки солнечной активности с гигантскими выбросами радиации. И, наконец, про возможное «свободное творчество» некоторых кретинов в генеральских погонах, которым простосердечные граждане разных стран доверили ядерные кнопки.

– Ну, и о чём это всё говорит?

– А как раз-таки о том, – продолжал всё больше и больше распаляющийся Эдик, – что чудес на свете не бывает. Если цивилизация, несмотря на тысячи способов, коими она могла бы быть уничтожена, ещё существует, значит есть *некая сила*, способная это самое уничтожение всякий раз предотвращать!..

Эдик с торжествующим видом посмотрел сначала на Рене, а потом на впавшего в задумчивость Алекса. Костя в этот момент был занят чтением дорожных указателей.

Прямо по курсу лежал город Кортрейк, который нужно было объехать и, встав на дорогу A19, взять направление на Ипр.

Несколько минут двигались молча. Автобан в окрестностях Ипра заканчивался, вернее, уходил в сторону Поперинге, и нужно было вовремя поймать ответвление на более мелкую дорогу N8, что Костя, после бесчисленных рейдов в Вестфлейтерен, был способен сделать с закрытыми глазами.

Вести машину по классической просёлочной дороге в Бельгии было для него непередаваемым удовольствием. Относительно небольшая скорость движения и периодически возникающие светофоры предоставляли водителю и пассажирам замечательную возможность глазеть по сторонам. Кроме всего прочего, в тёплое время года можно было ездить с открытыми окнами и слушать уличный шум, вдыхая все сопутствующие ароматы.

Загазованность в бельгийском кантри-сайде отсутствовала, и те запахи, которые улавливало обоняние, состояли, в основном, из разнообразного сельскохозяйственного флёра, приятного и полезного для лёгких.

Косте нравилось ездить по горным областям на юго-востоке страны, где в обилии имелись сказочной красоты леса, маленькие речушки и водопады, и по равнинам степной Фландрии. И там и тут можно было наткнуться на великолепнейшие виды, на разрушенные, а кое-где и прекрасно сохранившиеся, средневековые замки. И, где бы вы ни ехали, по бокам дороги вас всегда приветствовали уютные, симпатичные деревушки, а призывные рекламные щиты имевшихся там баров, красноречиво указывали на особенности национального пивного колорита.

В Бельгии, население которой составляет всего 10 миллионов человек, а территория не дотягивает по площади и до половины Московской области, производится порядка 650 наименований пива. Здесь есть гиганты вроде Interbrew, занимающего третье место в мире по количеству производимых литров в год, но серьёзный ценитель на их продукцию никогда не клюнет.

Бельгийцы, понимающие толк в пиве, а это довольно значительная их часть, на протяжении уже многих веков наслаждаются исключительно продуктами монастырских или маленьких частных пивоварен.

Если немцы, чья пивная культура тоже заслуживает уважения, специализируются в основном на лёгком светлом пиве, лагере (lager bier), то у бельгийцев варятся все разновидности того напитка, который испокон веков именовался «пивом».

Самый распространенный тип среди лагеров – пилсенер. К нему относится почти всё, что на сегодняшний день варится и пьётся в Чехии, Германии, Скандинавии, России и других землях, активно потребляющих пиво.

Пилсенер обязан своим именем чешскому городу Пльзень, где его изобрели. Произошло это сравнительно недавно, в 1842 году, но весь «непросвещённый» мир предпочитает именно эту разновидность пенного напитка, ошибочно полагая, что она и есть настоящее пиво.

Многие бельгийцы и те, кто приобщился к их культуре, сравнивают пилсенер с подкрашенной газированной водой. Истинное пиво не может быть приготовлено машинным способом, на котором основаны почти все крупные производства. И в тех масштабах, в которых его выпускают мировые гиганты, традиционный напиток сварить невозможно, ведь настоящее пиво требует в качестве первичных ингредиентов чистейшую родниковую воду, отборный ячмень и селекционный хмель. Плюс ко всему, рецептура хорошего пива никогда не должна ограничиваться только базисными компонентами. Существует масса растений, чьи корни, цветы, плоды и экстракты пивовары испокон веков утилизировали в своём хозяйстве в качестве вкусовых добавок.

Некогда пивоварение было искусством, сходным по своей сложности и изяществу с приготовлением сложнейших ароматических масел и духов. В настоящее время в такой форме это древнее ремесло сохранилось только в Бенилюксе, и на Бельгию, приходится львиная его доля.

В этой стране существует такое разнообразие пива, что одно только перечисление его видов (не названий!) заняло бы много времени. Среди основных категорий сами бельгийцы выделяют уже упоминавшийся ранее лагер (или недобродившее ячменное пиво), фруктовые крики, гёзе и ламбики (или пиво спонтанного брожения), пшеничное пиво (оно же белое нефилтрованное), а также пиво полного одинарного (блонд и брюн), двойного (дюбель), тройного (трипель) и четырёхкратного (квадруполь) брожения.

Каждая из этих категорий подразделяется на множество сортов, и в каждом сорте частные пивоварни проявляют своё индивидуальное творчество. Среди шести с лишним сотен марок вы не найдёте двух с одинаковым вкусом. А у каждого представителя наиболее благородного ряда букет окажется настолько насыщенным и уникальным, что им вполне можно будет наслаждаться как самым изысканным французским вином или коньяком.

Бельгийцы никогда не пьют пиво залпом или очень быстро. Пиво в этой стране варят не для алкоголиков и пьяниц, а для тех, кто способен чувствовать вкус и испытывать удовольствие от каждого глотка.

Впрочем, напиться бельгийским пивом значительно проще, чем немецким, чешским или русским. Достаточно выпить один за другим пять добротных трипелей, и состояние ваше будет мало чем отличаться от состояния среднестатистического россиянина, выкушавшего пол-литра.

Уже на перекрёстке, по одну сторону от которого располагалась деревня Остфлейтерен, а по другую – Вестфлейтерен, Костя вспомнил, что, если они сейчас, как обычно, повернут налево, то через километр неизбежно упрутся в деревянные козлы с прибитым к ним «кирпичом», которые из-за ремонтных работ, стопорили движение.

Пришлось разворачиваться и искать на N8 едва заметный указатель на обочине, в полуметре над землёй, чтобы свернуть на узенькую, петляющую дорожку, окольным путем приводящую в аббатство.

Отсюда начинался самый увлекательный отрезок путешествия. По обеим сторонам дороги зеленели и обильно пахли естественными удобрениями поля с копошащейся на них техникой. Здесь же, утопая в сочной траве, паслись флегматичные коровы, мирно жующие свой привычный вегетарианский рацион. То там, то тут попадались раскидистые деревья и небольшие островки лесопосадок, а по окраинам каждого надела торчали приземистые, без изысков, краснокирпичные дома фермеров, с примыкающими к ним большими гаражами, амбарами и животноводческими постройками.

Казалось, вся мировая цивилизация вдруг удалилась на тысячи километров, прихватив с собой гламурные офисы, небоскрёбы, заводы, автобаны, железные дороги, уличный шум, суровые физиономии пиджачно-галстучных клерков и доводящую до резей в желудке рекламу.

Бог здесь жил действительно «не по углам». Человек, привыкший рассуждать в терминах популярной в наши дни «геоэнергетики», непременно заметил бы, что аббатство святого Сикста и прилегающие к нему угодья располагаются на обширном месте силы. И был бы, наверное, не далёк от истины. Ведь в старину божеские обители на плохих местах не закладывались...

Монахи и пиво. Кому-то такое сочетание может показаться странным и противоречивым по своей сути. Но стоит только вспомнить некоторые примеры из истории, и противоречие мигом исчезает. Ведь никого не удивляет в наши дни, что монахи-картезианцы изготавливают в своём монастыре недалеко от Парижа известный на весь мир ликёр Шартрез. И никто не проклинает за «святотатственный» поступок знаменитого монаха-бенедиктинца Дона Периньона, подарившего миру рецепт шампанского.

Во времена, когда единственными путешественниками в Европе были крестоносцы и пилигримы, гостиниц в городах и сёлах не существовало. Единственным пристанищем для путников являлись монастыри, где долг гостеприимства обязывал хозяев не только устроить путника на ночлег, но также и обильно попотчевать.

Первый монастырь в Европе возник во времена святого Бенедикта (480-547 гг.), чьей заповедью, оставленной потомкам, были следующие слова: «твои руки да прокормят тебя». Организованное им христианское братство в Монте Кассино на юге Италии радушно встречало каждого странствующего человека и угощало его вином собственного приготовления. Впоследствии эта традиция прочно укрепилась во всей южной Европе, где любая религиозная община непременно держала свои виноградники и передавала из поколения в поколение рецепты вин.

А на севере, где солнца было гораздо меньше, варили пиво.

В средние века и эпоху возрождения в Европе существовало около 500-600 аббатов, готовивших пенный напиток. В девятнадцатом веке их число стало резко сокращаться в связи с

появлением огромного количества секулярных пивоварен. Частные предприниматели активно скупали древние монастырские рецепты, чтобы не проигрывать в качестве и иметь возможность пользоваться именем монастыря в рекламных целях.

На сегодняшний день в Бельгии единственными немирскими пивоварами остались только лишь монахи ордена Траппистов. Шесть бельгийских аббатств получили от Папы Римского эксклюзивное право выделять свой пивной продукт специальным лого, гарантирующим самое высочайшее качество напитка и удостоверяющим его подлинное монастырское происхождение.

Траппистов часто называют «орденом безмолвствующих монахов». Устав действительно запрещает им общаться между собой, кроме тех случаев, когда обмена информацией требует выполняемая монахами работа. Это самый ригористичный из ныне действующих христианских орденов, исполняющий скрупулёзно все нормы и предписания. Неудивительно, что именно им удалось выстоять в условиях жесточайшей конкуренции, подкосившей в двадцатом веке всех их братьев по вере.

Трапписты не только выстояли! По качеству пива они уверенно держат пальму первенства в мировом производстве. Ведь монах с такими убеждениями никогда не отступится от составленного путём многолетних экспериментов уникального пивного рецепта, никогда не ошибётся при добавлении какого-либо ингредиента и, конечно, не додумается разбавлять пиво водой или выскивать, с целью увеличения прибыли, более дешёвые хмель и солод. Если сто пятьдесят лет назад его предшественники возили ячмень из Новой Зеландии, то, хоть хляби небесные перед ним разверзлись, но именно там он его и будет заказывать.

Неатеистически настроенному человеку вполне понятно, что расположение пивоварни на территории действующего аббатства, равно как и сам производственный процесс, выполняемый людьми целиком и полностью посвятившими себя Богу, может только лишь способствовать улучшению тонкой структуры напитка, проявляющейся в дополнительном, «сверхчувственном», удовольствии от его потребления. Ведь если можно освятить простую воду, то почему нельзя сделать то же самое с пивом?

Монастырский бар под названием «In de Vrede» («В умиротворении») представлял из себя огромный пивной холл с высокой треугольной крышей, как в русских избах, оформленный целиком в стиле модерн. При входе располагался небольшой магазинчик, торгующий аббатской продукцией, а чуть дальше начиналась длинная барная стойка.

Внутреннее помещение было спроектировано в виде латинской буквы «Т», в правом рукаве которой, в самом конце, находилась дверь, ведущая в траппистский музей.

Пять или шесть официанток с невообразимой скоростью метались от одного столика к другому. Зал гудел как потревоженный улей. Многие лица здешних гостей излучали тихую, светлую радость, ощущение которой становилось особенно ярким всякий раз, когда стенки тюльпанообразных стаканов касались губ.

Можно было сесть внутри – бар отлично кондиционировался, но погода настолько благоприятствовала принятию горячительного на свежем воздухе, что молодые люди протопали через весь зал и вышли на открытую террасу, где, по счастливому случаю, как раз освободился один из столиков, рассчитанный на четырёх человек.

– Ну, вот, мои любезные друзья, мы с вами и прибыли к месту нашего духовного паломничества, – елеинным голосом молвил Костя.

– А я здесь всего только в третий раз, – смущённо признался Алекс.

– Да, приятель... Не уважаешь ты настоящее пиво.

– Почему это не уважаю? – обиделся голландец. – Не обязательно ведь за ним каждый раз в такую даль мотаться. И потом, кроме Westvleteren, есть много других замечательных марок.

– Э-э... Да ты, братец, как я погляжу, в этом вопросе не больно-то сведущ... Ладно, учитывая твоё голландское происхождение, сообщаю: в прошлом году самый крупный рейтинговый сайт по вопросам пива (www.ratebeer.com) провёл глобальный опрос. В нём участвовало 750 тысяч человек из 65 стран. Выясняли любительские приоритеты пьющего населения земного шара по всему спектру выпускаемых на планете пивных изделий. Всего в анкетах фигурировало около 48 тысяч наименований. Так вот на первом месте списка оказался никто иной, как наш любимый Westvleteren. Это я к тому, дружище, что через несколько минут ты будешь наслаждаться пивом №1 в мире.

К столику подбежала, наконец, совершенно запыхавшаяся от интенсивного физического труда официантка. На правах знатока Костя сразу же заказал всем по «восьмёрке», две порции монастырского паштета и мягкого аббатского сыра.

– А чего же вы раньше молчали? – спросил Алекс, когда официантка ушла.

– Бог, или мировой разум (если тебе это слово больше нравится), даёт человеку информацию только в тот момент, когда он в ней действительно нуждается, – ответил ему Костя. – Так ведь, Рене?

– Совершенно верно, – отреагировал уже начавший, было, рассеянно поглядывать на сидевшую за соседним столиком женскую компанию бельгийцев. – Я вот тоже как раз подумал, что Господь всегда показывает своим детям именно то, что их внутреннее существо особенно желает увидеть...

– Святой отец! – засмеялся Костя. – Мы пришли сюда не за этим!..

И как бы в подтверждение его слов из дверей бара выскочила их официантка с большим круглым подносом в руках.

Когда пиво и закуски оказались на столе, Костя первым взял в руку стакан и торжественно провозгласил:

– Дабы осознание внутренней сути вещей никогда не мешало нам любить роскошества мира внешнего!

– Аминь! – закончил его мысль Рене.

Все кроме Кости отхлебнули пива и потянулись к закускам. Костя же, как истинный знаток, аккуратно взял свой бокал за ножку, сделал три круговых движения, затем приблизил стакан к лицу, чтобы полуторасантиметровая пенная шапка оказалась почти у самого носа, не спеша вдохнул и от удовольствия зажмурился.

Только через пять секунд он позволили себе открыть глаза и сделать маленький неторопливый глоток.

– Вы чувствуете, господа, в этом напитке нет абсолютно ни одного изъяна, ни одной лишней «буквы»? Вот оно подлинное совершенство творения! И человеческого, и Божьего.

– По-моему, ты сегодня как-то по-особому настроен на религиозные апологии, Константин, – с улыбкой заметил Рене.

– О, да, мой друг. Мы слишком опростились в последнее время, забыли те высокие истины, которые завещали нам Будда, Христос, Мухаммад. На Западе люди мечутся как белка в колесе, пытаются залезть повыше да обеспечить себе приятную и сытую старость. А когда эта старость приходит, понимают вдруг, что жизни-то уже и нет, профукали они жизнь: никогда по-настоящему не радовались; всё имели под боком, но никто так и не объяснил им, что этим всем можно пользоваться – прямо сейчас, сию же секунду. Какой-нибудь филистер придет вот сюда, выпьет три стакана с каменной рожой и отправится домой. На следующий день будет ещё всем рассказывать, как он замечательно съездил в Вестфлейтерен и какое lekker (голл. восхитительное) там было пиво. С ним вот отсюда, из этого стакана, может, сам Господь пытался говорить, а он, точно глухой и слепой одновременно, лакал чистейший небесный сок как обычное, бодрящее пойло.

– Закуси паштетом, Константин. А то ты чересчур разбушевался. Не ровён час, на трибуну полезешь, – произнёс Рене в ответ на Костину горячую филиппику. – Многие вещи, как мне кажется, людям ещё рано знать или чувствовать. Я имею в виду, основной массе. Ведь у каждого свой путь. Приходим мы все, так или иначе, в один «пункт назначения». А уж кто сколько удовольствий по дороге успеет сорвать – это не нам с тобой определять.

Обсудили тему срывания удовольствий, и в результате Костя стал доказывать Эдику, что любое ощущение может быть элементарной фантазией человека, и эти две вещи нужно уметь разделять.

– Отделять ощущения от фантазий, говоришь? – встрял в их полемику Рене. – А, скажем, пивной вкус у меня во рту – это что, ощущение или фантазия?

– Эка ты, брат, загнул!.. Я тебе так скажу: если ты способен в этом вкусе раствориться, полностью забыть на несколько мгновений, кто ты есть, кто твои мама и папа, и как тебя зовут, если ты можешь прочувствовать насквозь каждый пузырик газа, попавший тебе на нёбо, каждое ячменное зёрнышко, каждую хмелинку в твоём плотке, если ты увидишь вдруг монаха, ссезивающего поутру, после молитвы, вот эту жидкость из чана, для того чтобы через какое-то время ты смог ею насладиться, то тогда вкус будет для тебя ощущением. Он станет даже Ощущением с большой буквы, истинным смыслом и способом твоего существования на данный момент, самой твоей жизнью, если хочешь.

Рене потребовалось некоторое время для того, чтобы обдумать Костину тираду, и вся четвёрка неловко замолчала.

– Давайте, господа, ещё по стаканчику закажем, – дипломатично предложил Костя. Когда официантка убежала за новой порцией пива, разговор незаметно перетёк в плоскость банальных, алкоголических трюизмов. Алекс вызвался отвести компанию обратно в Гент и поэтому от дальнейшего питья отказался.

Рене попытался, было, наладить контакт с соседним столиком, но девушки на сближение не пошли – ни на пивной, ни на какой другой почве.

В этот момент принесли пиво, и Костя снова заговорил:

– На протяжении многих веков существование западной цивилизации базировалось на голом материализме. Люди сделались прикованными к вещам, к своим родным и близким, к положению в обществе, банковскому счёту, дому, машине и ещё великому множеству бессмысленных побрякушек. Если кто-то раскроет им вдруг глаза и покажет, что всё, чем они так дорожат в жизни, – это просто хлам, пыль и мусор, что любые человеческие отношения есть обыкновенное угождение собственному эго, и что само эго, или по-другому сказать, ощущение своей исключительности и значимости, как раз и есть то бельмо в глазу, которое не позволяет им ничего видеть вокруг, – тогда люди потеряются, им сделается настолько страшно, что подавляющее большинство немедленно захочет повернуть назад – к своей привычной и тёплой, как болото, действительности.

– Знаете, – доверительно сообщил Рене. – Я вовсе не против того, чтобы кто-нибудь мне популярно объяснил, как на самом деле устроен мир, но я не думаю, что за такое знание нужно продать всех друзей и родственников с потрохами, выкинуть на помойку личные вещи, заколотить наглухо дом и уйти в лес разговаривать с небесами.

– Если ты сможешь так поступить, Рене, знание дастся тебе значительно легче, – увещевал его Эдик. – Будда, к примеру, бросил жену с двухнедельным ребёнком и отправился на двенадцать лет отшельничества. А он был, между прочим, наследным принцем.

– Однако отшельничество, как таковое, ему ничего не дало, – резонно заметил Костя. – Он после двенадцати лет крайнего аскетизма полностью разуверился в физическом самолишении как методе прозрения.

Эдик не стал спорить, и Костя облегчённо перевёл дух:

– А теперь, господа, я просто-таки обязан получить новую порцию «божественной помощи». Иначе, мне не миновать частичного, а то и полного, духовного опустошения с непредсказуемыми последствиями.

Эдик и Рене выступили с горячей поддержкой столь своевременной и мудрой инициативы, и, пока кельнерша бегала за пивом, разговор перекинулся на склонность людей к потреблению алкоголя.

– Антимонии мы здесь разводим, коллеги, – уже с новым стаканом в руке заявил Костя. Предложенные собеседниками ответы на вопрос «почему люди пьют» его не удовлетворили.

– Какой, к дьяволу, вкус? Какая наркотическая зависимость? Уход от реальности – это несколько ближе к истине, но всё равно чушь. От какой реальности можно уйти, если ты в ней никогда ещё не был? Уход из опостылевшего театра абсурда, то есть от полного и окончательного жизненного афронта, от неспособности понять самого себя, от боязни своего настоящего «Я» – вот о чём мы здесь говорим.

– А когда вообще люди не пили, если так подумать? – глубокомысленно заметил Эдик.

– Всегда пили, – с готовностью ответил Костя. – И мы пьём. Но разве это что-либо меняет? Номо sapiens от начала времён не стеснялся манкировать своими прямыми обязанностями.

– Что ты имеешь в виду? – недоумённо спросил Рене.

– «Я пью и, значит, я существую», мой друг! Так, кажется, сказал кто-то из ныне здравствующих народных кумиров... Голландцы в этом плане молодцы – Алекс вот может подтвердить. У них давно уже пьянству – бой, спорт – для всех возрастов, и в любое время года – систематический активный отдых на природе. Здоровый образ жизни, одним словом... Скучно только. Общая бессмысленность процесса заедает...

Единственный голландец во всей компании благоразумно помалкивал. Внимательно посмотрев ему в глаза, трезвый человек вполне мог бы заключить, что у Алекса имелись свои воззрения на предмет пьянства, здорового образа жизни и её априорной бессмысленности в Голландии, однако фактор наблюдательности у трёх джентльменов, деливших с ним стол, был уже значительно принижен.

– А почему всё-таки монахи сами, большей частью, не пьют? – задумчиво спросил Рене. – А людей вот за милую душу в искусы вводят. И кары Божьей не боятся...

– Рене, ты что, совсем гражданскую совесть потерял?! – воскликнул Костя. – Помни про Судный день, брат! Окстись!

– А я чего? Рассуждаю только. Не нравится мне это противоречие – вот и хочу его для себя разрешить.

– Ein moment, старик. Сейчас разрешим! – заверил его Костя и выставил на центр стола свою порожнюю тару. – Настоятельно предлагаю «рыцарям квадратного стола» взять в этот раз по «двенадцатому номеру» и за сим плавно окончить наше сегодняшнюю открытую сессию. А то, не ровён час, на футбол можем опоздать... Кстати, Алекс, вначале я тебя обманул: официально пивом №1 в мире считается не «восьмёрка», а как раз «двенадцатый номер». Но это по мнению majority, а для majority главное что? – наибольшая мягкость и лёгкость при максимальном градусе. Настоящий ценитель пива «двенадцатый номер» выше «восьмёрки» никогда не поставит, потому что для него важен не градус, а букет. Это так, к слову...

Возражений по поводу перехода от «букета» к «градусу» не последовало, и, когда официантка принесла три стакана с «двенадцатым номером» (10,3% алкоголя), Костя вновь открыл шлюзы для своего окрепшего вдохновения:

– Иисус говорил ученикам: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царствие Небесное». Так?

Все, включая Алекса, согласно кивнули головами.

– А что такое опьянение, позвольте спросить? По Омару Хайяму, например, опьянение есть ничто иное, как экстаз от познания Истины. Омар Хайям, конечно, не алкогольную интоксикацию имел в виду (хоть, в буквальном смысле, именно её и поминал), но для предмета нашего обсуждения это не существенно. Пьянство неким образом «приближает» человека к правильному мировосприятию: он начинает вести себя естественно – как дурачок или юродивый. И всякий выпивший достаточную для себя дозу нередко говорит и действует с непосредственностью ребёнка, если, конечно, в агрессию не впадает. Кстати, быть может, именно по этой причине тему алкоголя и пьяной романтики так любят мусолить подёнщики кинокамеры и пера.

Намерения вступать в полемику снова никто не обнаружил, и Костя, окончательно воспарив мыслью и духом, решил экстенсифицировать свой монолог любопытным силлогизмом:

– Так как Царствие Божие доступно только детям и в них обратившимся, – сказал он уверенно – и поскольку алкоголь превращает человека в некое подобие ребёнка, то, не нарушая логики, отсюда можно дедуцировать, что тяга к пьянству есть ничто иное, как неосознанное стремление к библейскому, прижизненному, возврату в Небесный Дом.

– Ничего более кощунственного и нелепого я ещё не слышал в своей жизни, – добродушно хихикнул Эдик. – Воистину, *nihil similius insano quam ebrius* – никто не похож на сумасшедшего более, чем пьяный...

Рене тоже не удержался от улыбки и, похлопав Костю по плечу, заметил:

– Да, Константин. Ты сегодня в ударе! И, должен тебе сказать, в умозаключении твоём есть, как мне кажется, доля правды. Но только пьянство – это ведь палка о двух концах. В таком виде, как сейчас, к Богу нас вряд ли допустят. А вид этот мы принимаем, сам знаешь, довольно регулярно. Ты вот говоришь, что мы здесь детям уподобляемся. Возможно, так оно и есть, спорить не буду. Но скажи мне по совести, как мужчина мужчине, в трезвом состоянии в тебе много от ребёнка остаётся?

Вопрос Косте не понравился. Он вдруг как-то даже спал с лица, тупо уставился на пиво в своём стакане и уныло произнёс:

– Понимаю тебя, дружище. Трезвое состояние для нас – обыкновенный передых между двумя пьянками. Мы живём только тогда, когда в нашей крови присутствует алкоголь, а во все остальные моменты мы просто существуем – как овощи. Энергию накапливаем, здоровье поправляем, денежки зарабатываем.

За остатками пива компания решила чокнуться и, посоветовавшись, предоставила Эдику высокое право оглашения заключительного тоста.

– Жизнь можно прожить по-разному, отцы, – анонсировал Эдик свой эпический склад. – Можно никуда не идти, и тогда останешься там, где ты был всегда. Можно куда-то стремиться, чего-то искать, но заблудиться в дебрях человеческого культурного наследия, которое и составляется, большей частью, как раз такими вот «заблудившимися». Но всё есть так, как оно есть, и никак иначе. Творец задумал нас совершенными, и мы есть *совершенные*, просто ещё не доросли до осознания этой тривиальной истины. Давайте выпьем за то, чтобы неясный огонёк впереди, который ведёт нас по жизни и не даёт успокоиться, горел со временем только ярче, чтобы мы чувствовали его в любом состоянии, везде и всегда. И чтобы наши «три извилины» никогда не сбивали нас с правильного пути. *Cum Deo* – с Богом!..

Глава шестая. Ретроспектива.

После девятого класса он вновь поехал в Геленджик. Не мог не поехать! Настенька нянчилась тогда с полугодовальным сынишкой, которого назвала Константином – в память о своей первой любви, и на сей раз охотно согласилась встретиться. Но с первых же слов дала ясно понять: всё, что когда-то между ними происходило, умерло для неё навсегда.

Бывшие влюблённые часто виделись, вместе гуляли с коляской, подолгу разговаривали о всякой чепухе и пару раз даже сходили друг к другу в гости. Но от всего этого Косте делалось только лишь хуже.

Половина его повзрослевших приятелей уже обзавелась к тому времени подругами. Молодёжная компания расширилась, и в ней появилось много новых лиц, в том числе и девчоночьих. Некоторые были довольно симпатичными, но обращать на них внимание Костя начал не сразу.

Друзья сочувствовали ему и успокаивали, как могли. А девушки пытались даже спорить за Костиной спиной о том, кто из них станет его следующей пассией, и с нетерпением ждали момента, когда юный Ромео окончательно почувствует себя готовым к дальнейшей жизни.

Однако ощущение вечного праздника – того, «который всегда с тобой», – до конца лета к Косте так и не вернулось. Как-то незаметно для себя он начал встречаться с Оксаной, красивой девочкой из соседнего микрорайона, которой так же, как и ему, было шестнадцать лет, и которая, расставшись не так давно со своим парнем, стала появляться на вечерних посиделках в Костином дворе.

В придачу к сногсшибательной внешности Оксана оказалась довольно опытной в сексе, а её живой характер и невероятная эрудированность могли вскружить голову даже самому занудному жёноненавистнику. Девушка собиралась в следующем году поступать в МГУ, на филологический факультет, и в связи с этим проявляла закономерный интерес к Москве и москвичам.

На первом же свидании Оксана призналась в своих симпатиях к Косте, но позицию решила занять вполне независимую. У неё тоже был некоторый опыт за плечами, хотя и без особого трагизма.

О претенденте на статус жениха Оксана тогда ещё не думала. Свадьба входила в её долгосрочные планы, но только лишь в виде туманного ориентира на далёком горизонте. Настоящей любви Оксана не знала и, если говорить начистоту, в существование её не очень-то верила. Периодически возникающие увлечения, внимание со стороны противоположного пола, кокетство, флирт и секс – вот всё, что слово «любовь» означало для неё на тот момент.

К Костиному отъезду происходящее между ними уже можно было с некоторой натяжкой назвать романом. То есть, в сексуальном плане всё давно кипело и бурлило. У обоих проснулся дух здорового экспериментаторства, позволивший им в рекордные сроки освоить многочисленные ноу-хау индийской Кама Сутры.

Когда пришло время прощаться, они обменялись адресами, сказали друг другу массу нежных слов, а Оксана даже всплакнула. Костя тоже растрогался, и в груди его впервые за последний год что-то затрепетало.

Они сходили в фотоателье и сделали каждый по серии маленьких чёрно-белых фотографий три-на-четыре, а также две большие в цвете, на которых Оксана грациозно восседала у Кости на коленях, в пол-оборота к камере, и нежно обнимала его за шею.

Лёжа на верхней полке в купейном вагоне поезда Новороссийск-Москва, Костя несколько раз вытаскивал эти фотографии из сумки и подолгу смотрел на них, прислушиваясь к тому, что происходило у него в душе.

Он дал себе слово ни с кем и никогда в жизни не говорить больше о Настеньке, не говорить о том, как нечеловечески, как страшно и бесконечно он её любил. Жизнь продолжалась, и отныне эта тема была закрыта для всех его друзей и знакомых навсегда.

Поезд старательно прокладывал свой путь на север, а монотонный стук колес стимулировал неторопливый мыслительный процесс у каждого, кто, подобно Косте, к такому процессу был расположен.

Временами он всё же отключался от своих амурных реминисценций и волей-неволей прислушивался к разговору на нижнем ярусе, который вели его соседи по купе.

Тот, чьё место располагалось непосредственно под Костиным, был, судя по загорелой наружности, тельняшке без рукавов и наколкам на обоих плечах, моряком лет сорока. Напротив него сидела женщина, возраст и занятия которой едва ли поддавались определению; говорила она мало, в основном отвечала на вопросы и хохотала, когда кто-то из мужчин отпускал удачную шутку или рассказывал анекдот. И, наконец, сверху, через проход от Кости, было место кудрявого черноволосого болтуна с козлиной бородкой, но он даже матрац раскатывать не стал – быстро переделся в туалете и занял сидячее место рядом с моряком.

Именно он первым затеял беседу на какую-то околонуучную тему и говорил в последствии без умолку, лишь изредка делая паузы для того, чтобы моряк мог вставить в разговор что-нибудь простое и веселое, а женщина – одарить мужчин залихватским смехом.

Изъяснялся балабол вычурно, хотя надменности или пренебрежения в его речи не чувствовалось. Даже наоборот: тот юмор, которым он удачно приправлял свои философско-лирические истории очень быстро располагал к нему слушателей.

В какой-то момент присутствие четвёртого человека в купе, ещё не охваченного вниманием, естественным образом повернуло разговор на тему молодёжи, и Костю сразу спросили о его возрасте и планах на ближайшее будущее. Когда он сказал, что перешёл в десятый класс, и что ему шестнадцать лет, балабол тут же отреагировал в своей ненавязчивой манере, обращаясь, впрочем, больше не к мирно возлежащему над его головой невидимому Косте, а к тем, кто находился внизу:

– Однако шестнадцать лет – это далеко не шестьдесят! Способность организма и души к самовосстановлению ещё не поранена в этом возрасте глубоким ступором подсознательного человеческого протеста. Ведь сама идея того, чтобы предавать или продавать себя только лишь ради пропитания и крыши над головой, представляется шестнадцатилетнему юноше совершенно абсурдной. Несломленный дух ещё в силах стимулировать фантазию, а память ещё почти не загрязнена омерзительными свидетельствами собственных неудач. В шестнадцать лет у человека есть вера, вера без вопросов и предположений – вера в то, что все неприятности рано или поздно должны растаять в воздухе. Ведь жизнь прекрасна! *La vita e bella!* И этот принцип, составляет самую основу подросткового мировосприятия даже тогда, когда первые грозы уже успели прогrometer над светлой головой юношеской невинности. Не так ли, молодой человек?

Костя не знал, как следовало ответить на такую неожиданную и замысловатую констатацию его внутренних борений и поэтому тихо промямлил:

– Некоторый опыт к шестнадцати годам, как правило, уже имеется...

– Опыт суть палка о двух концах, – с готовностью отозвался балабол. – Он даёт базис для логики и ассоциативного мышления, помогающего в житейских вопросах, но одновременно самым нещадным образом глушит чувствительность к материям более тонкого порядка. Конечно, опыт опыту рознь. Но простая коллекция зрительных и слуховых впечатлений, которую обычно подразумевают под этим словом, заключается, как это ни печально, в «приземлении» человека или, лучше сказать, в его «заземлении». Ведь в жизни всё происходит примерно так, как в одном старом чернушном анекдоте:

«Доктор, что же со мной такое?» – спрашивает испуганный больной, недавно сдавший анализы в онкологию.

«Рачок-с, однако», – зловеще усмехается врач.

«Ой!.. И что же мне делать?!»

«Поезжайте куда-нибудь на курорт, где есть грязевые ванны».

«А что, мне это поможет?»

«Да, нет. Вам просто надо уже потихоньку к земле привыкать...»

Женщина покатила со смеху, и моряк тоже громко крикнул своим прокуренным низким голосом в знак чрезвычайного одобрения. Балабол же, как ни в чём не бывало, продолжал:

– Среди «специалистов» бытует мнение, что такое «привыкание к земле» начинается у большинства людей где-то в возрасте двадцати пяти-тридцати лет, хотя реально сыграть в ящик они могут намного позже. О душевных «онкологических» заболеваниях человек узнаёт лишь в исключительных случаях, равно как и о своей душевной смерти. Ignorance is bliss, как гласит английская народная мудрость, – счастье в неведении. Всем хочется быть здоровыми и довольными жизнью, но не всем это удаётся. И что же, спрашивается, делать тем, к кому фортуна повернулась задом? Искать, бороться, лечиться? Можно, конечно... если силы ещё остались. А можно достать из заглазника это родное, тёплое, увесистое слово «опыт» и сказать, что так, мол, и так, «Господь терпел и нам велел», у Васи счастье, а у меня богатая биография. Красиво, умно, корректно. И, главное, не подкапывайся. А у того счастливого Васи биография, может, ещё и похлеще будет, только для него главное заключается в другом. Прошлую биографию он уже пережил. Синяки рассосались, шрамы затянулись, обиды и разочарования забыты, а все страдания ушли обратно в тот мрак, из которого однажды возникли.

На какое-то время в купе воцарилось молчание. Инвектива на род человеческий балаболу удалась, и все трое слушателей были под сильным впечатлением. Что же до Кости, то он внимал пророческому гласу «из нижних пределов» с удвоенным интересом, поскольку некоторые тезисы железнодорожного мыслителя стыковались с его собственным терзанием и догадками.

Промочив горло минеральной водой «Ессентуки» из стеклянной бутылки, неутомимый оратор возобновил лекцию на тему поисков счастья:

– На земле почти не существует людей, которых судьба хоть раз в жизни не ударила бы хорошенько по лбу. *Fata viam inveniunt*, – как сказал однажды Вергилий, – от судьбы не уйдёшь. Кто-то рано потерял близких, кто-то оказался вынужденным перебиваться с хлеба на воду, кого-то жестоко предали, отвергли, унизили. Бесконечны примеры того, как слепой и неутомимый рок испытывает человеческую волю. Нам всем чертовски приятна идея вечного хаоса во вселенной, потому что она снимает с нас всякую ответственность. Совпадения, случайности – что бы мы делали без них?! Чем бы успокаивались, куда прятали свои страхи и лень? Представляете, птичка на голову накакала – вам противно, всё это течёт по волосам и ужасно воняет, но вы знаете, что ничего случайного в мире нет. Сразу в памяти начинаете копать, выискивать: чего же такого я мог натворить? И находите, обязательно находите!.. Нет, природа слишком мудра, чтобы наделить всё человечество одновременно таким кошмарным знанием. Пробовать и экспериментировать надо на единицах. Пусть они помучаются, пострадают за себя и за других, пусть у них появятся лёгкие признаки шизофрении и паранойи, если того требует наука. Справятся со всем этим – можно им тогда бесплатную путёвочку в счастье выделить, здесь же, при этой жизни. А не справятся – что ж, не всякий эксперимент даёт положительный результат. Причинно-следственные связи – это вам, знаете ли, не вареники у тёщи на даче есть.

– Вот вы, молодой человек! – снова обратился он к Косте. – Вы бы хотели, чтобы с вами никогда и ни при каких обстоятельствах не могло произойти ничего плохого?

– Ну, хотеть-то этого, наверное, все хотят – вы же сами сказали. Другое дело, что я пока не знаю, как конкретно такого состояния достичь.

– Для начала неплохо бы поиметь в жизни цель, – ответил балабол с лёгкой, едва заметной ноткой нравоучительности в голосе. – В вашем милом возрасте уже стоит задуматься о том, чего вы конкретно хотите от будущего. Не от настоящего и уж, тем более, не от прошлого, а именно от будущего! Дипломы, профессии – это всё замечательно, равно как и большое количество денег, но, если в вашем случае процесс уже начался, если вас уже «отобрали» для «опасного эксперимента», то подобные вещи вряд ли чем-то помогут.

Костя задумался. Как-то всё очень уж складно получалось у балабола и очень уж подходило к его, Кости, случаю.

– Наверное, вы правы.

«По поводу цели и будущего – это он в самую точку попал. И ещё нужно определиться со своим отношением к любви. Она не может повредить ничему и никому, а вот её отсутствие – вещь тяжёлая, угнетающая и губительная для души. Состояние, когда любовь ушла, – нехорошее состояние, неживое. Будущего в нём, по крайней мере, точно нет. Но как заставить её прийти снова – вот в чём вопрос!»

Меньше всего в жизни Костя хотел стать несчастным человеком. Бедным, одиноким, необразованным – это ещё куда ни шло. Но только не несчастным! Все прочие напасти, которые люди полагают крайне нежелательными для себя, представлялись ему отвлечённой теорией. А вот состояние полного отсутствия даже намёков на хоть какую-нибудь радость в жизни он испытал на собственной шкуре по полной программе. Ещё раз пройти через нечто подобное было бы уже слишком.

В Москве Костя нередко вспоминал «Дорожную проповедь» словоохотливого и благодушного «вагонного мессии».

Для полного восстановления душевного равновесия были необходимы три вещи: жизненная цель, понимание причинно-следственных связей между событиями и вера в неизбежность собственного счастья.

Для того чтобы сформулировать цель, у Кости был ещё целый год впереди. Над верой тоже предстояла длительная работа, поскольку раньше вопрос о ней в такой открытой форме никогда не стоял. Ну, а с причинно-следственными связями он решил разбираться по ходу дела.

Данный момент представлялся ему особенно трудным, в виду того что многие из связей, о которых шла речь, в мировоззрение обычных людей, по всей видимости, не вписывались. Костя же в своей «необычности» (или «подопытности», как выразился балабол) пока ещё сомневался, да и взглядов в ту пору предпочитал держаться в основном диалектико-материалистических, если, конечно, таковые не шли вразрез с объективной реальностью, доступной его непосредственному наблюдению.

Предсказывать будущее невозможно, и Костя знал это совершенно точно. Однако подобное знание не мешало ему прибегать иной раз к некоторым хитростям и кое-какую информацию из будущего всё-таки «выуживать».

Так, например, однажды, классе в пятом или в шестом, ему пришла в голову мысль попытаться угадать будущую оценку за только что сданное сочинение по литературе. Костя чувствовал, что написал сочинение хорошо и варианты готов был рассматривать только следующие: 5/5 (соответственно, за содержание/грамматику), 5/4, 4/5 и 4/4.

Придя домой, он взял ручку, расчертил на гладкой пластиковой табуретке круг с четырьмя секторами, положил ручку в центр и сильно крутанул. Четыре сектора обозначали ожидаемые оценки, и, по принципу игры в «бутылочку», та из четырёх возможностей, на которую падёт жребий, и должна была «поцеловать» Костин дневник.

Перст судьбы указал в сторону 5/4. Повторять эксперимент Костя не стал – мало ли что... Но, когда в выданной ему через неделю тетрадке под последней строкой красовалась именно

эта оценка, он приободрился, хотя четвёрки за грамматику всегда раздражали его до крайней степени: они ставились из-за пары пропущенных запятых или, хуже того, из-за какой-нибудь глупой описки.

Другой пример наплевательского отношения к научным устоям цивилизации заключался в том, что Костя, сколько себя помнил, никогда не стеснялся обращаться с просьбами к некой трансцендентной Сущности, которая, как он считал, была способна разрешать мелкие проблемы в жизни всякого просителя и исполнять несложные желания.

В пору ученического атеизма ему ещё не приходило в голову называть эту сущность Богом. Прочие же термины, наподобие «высшего (или вселенского) разума», были слишком громоздки и с контекстом прямого обращения не вязались, а веру в волшебников и джиннов Костя утратил ещё в детском саду.

Лишённый других возможностей облечь свои петиции в слова, он остановился на безличном шаблоне, которого придерживался во все последующие годы: «помоги мне, пожалуйста, с...», «сделай так, чтобы...», «заставь такую-то быть поговорчивей» и так далее.

Сущность была дружелюбной и почти никогда в содействии не отказывала. Её могущество было для Кости первичной аксиомой всей жизни, хотя серьёзно задумываться на эту тему он стал намного позже.

Тяготение к материальному или духовному монизму совершенно не было свойственно его чуткой и внимательной душе. Он с детства привык к дуалистическому восприятию мира и неотъемлемой дихотомии всех понятий, вещей и процессов.

То, что сегодня казалось чёрным, завтра могло превратиться в белое. Фантазия, не имевшая, на первый взгляд, шанса воплотиться в действительность, находила вдруг неожиданную реализацию. И, если уж обыкновенный свет от лампы мог являться одновременно и потоком частиц, и электромагнитной волной, то почему бы человеку, имеющему физическое тело и живущему в физическом мире, нельзя было разговаривать с бестелесными сущностями из «параллельных пространств»?

Интуитивно Костя всегда понимал, что за услуги с него тоже причиталась некая контрибуция, но чем конкретно обыкновенный московский парнишка мог подействовать неведомому промыслу своего таинственного и вездесущего союзника, понять было трудно.

Сделавшись постарше, Костя начал подмечать определённые закономерности в том, как Сущность реагировала на его отдельные импульсы. Если он взывал к ней лишь из желания заполучить какую-то новую вещь, потешить тщеславие или утереть нос сопернику, то Сущность игнорировала запрос. Если Костина просьба диктовалась стремлением отомстить кому-то или доставить другому человеку неприятность, то с объектом его намерений ничего худого не происходило, а вот у него обязательно приключалась какая-нибудь досадная неприятность.

Особенно чувствительной Сущность была к бессовестным и распутным проявлениям Костиной натуры. Если он заводил, скажем, два или три параллельных романа, толкавших его на лицемерие и враньё, то все прошения о мелких «подачках» уходили как будто бы в пустоту. К аналогичным последствиям приводили серьёзные ссоры с родителями, которые были, впрочем, довольно редки...

Грубое расшатывание детской праведности и неосторожные попытки вкусить запретное неизбежно вели к суровому наказанию.

Однажды, в восьмом классе, когда Костя первый раз по-настоящему напился и целый вечер куролесил по району, приставая к прохожим и едва не загремев в милицию, на «гуманитарную помощь» был наложен мораторий, который длился около трёх месяцев.

За этот период Костина жизнь как раз и покатила под откос: Настенька перестала ему писать, а позднее, в Геленджике, он узнал о её беременности и желании порвать с ним всякие отношения.

Сущность не любила матерщины, бахвальства и злословия. Ей не нравилась агрессия, ни тайная, ни явная. А, кроме всего прочего, она была привередлива в отношении разговоров о ней самой.

Что-либо просить имело смысл только тогда, когда необходимые условия для оказания помощи были соблюдены.

Костя долгое время не решался, к примеру, задействовать Сущность в отношении своих видов на Оксану. После трагедии с Настенькой искренность и нравственная чистота его душевных устремлений несколько месяцев ставились им под сомнение, тем более, что в Москве его жизнь «на месте тоже не стояла»...

Только в январе, во время каникул, он смог, наконец, собраться с мыслями и убедить себя в том, что – не в пример его столичным увлечениям – геленджикский роман мог перейти из разряда временных, телесных, в категорию настоящих, перманентно-чувственных связей.

Спустя неделю после «отправки» слезной просьбы на Небеса, пришло письмо от Оксаны, в котором она первый раз за всё время их знакомства со впечатляющим обилием эпитетов объяснялась Косте в любви, говорила, что скучает по нему, и обещала примчаться в Москву чуть ли ни на следующий день после выпускного бала. Костя тут же послал ответ, который начинался словами: «Я тебя тоже безумно люблю, девочка моя ненаглядная», а заканчивался «миллионнократным, нежнейшим и бесконечно страстным поцелуем» в её «самые вкусные и желанные губы на свете»...

Глава седьмая. Голландия, Амстердам, июнь 2006.

В субботу Эвелин не позвонила. В воскресенье тоже. Косте очень хотелось ещё раз услышать её мелодичный голос. Хотя бы голос...

«Ладно! – в сердцах повторял он. – Разве может такая шикарная beauty не иметь постоянного партнёра (или даже жениха!), особенно здесь, на Западе? Я наивнейший из олухов: вместо того, чтобы разводить весь этот галантный цирлих-манирлих, задал бы ей лучше прямой вопрос, и дело с концом. А теперь вот сиди-гадай на бубновый интерес».

Положение выглядело действительно глупым: дать новой знакомой свой телефон и не попросить её собственный – такое Костя позволял себе раньше только в тех случаях, когда к продолжению связи он был индифферентен. Позавчера же его точно демон околдовал: за всё время, пока они с Эвелин общались в баре и пока шли до Площади коммерции, у него ни разу даже мысли не закралось, что дело может не выгореть.

«Блефун проклятый! Блефун и пижон!».

Бразилия обыграла в тот день Австралию со счётом 2:0, затем ещё Франция не смогла выиграть у Южной Кореи, что естественным образом испортило последний день уикенда.

Уже глубокой ночью Костя немного успокоил нервы бутылочкой Rochefort, собрал сумку для того, чтобы утром можно было подольше поспать, и, окончательно уверив себя в том, что Эвелин никогда ему не позвонит, решил на завтра с головой погрузиться в учёбу, а после неё оттянуться с ребятами на полную катушку и благополучно забыть своё приключение.

Путь в голландскую столицу от Гента был не близкий, и выехать Косте пришлось за четыре часа до начала тренинга. На кольце Антверпена он, как и положено в такое время, угодил в длиннющую пробку, выстоял в ней час с лишним и только в половине одиннадцатого пересёк границу Бельгии и Нидерландов. Благополучно миновав Бреду, Костя выбрался на A27, и без четверти двенадцать припарковался в подземном гараже WTC (World Trade Centre) на южной оконечности Амстердама, где должны были состояться их трёхдневные курсы повышения квалификации.

Тренинг был международным и, кроме бельгийцев, его устроители ожидали увидеть в числе гостей немцев, французов, итальянцев и англичан. Основной темой занятий должно было стать новое программное обеспечение, только-только запускавшееся параллельно во всех европейских офисах фирмы, а также некоторые стратегические и тактические вопросы обслуживания одного известного транснационального клиента, которому недавно удалось вручить целый пакет консалтинговых услуг, связанных с его грядущей реструктуризацией.

Здесь же на тренинге должны были появиться и старые Костины коллеги, хорошо знавшие его по утрехтскому офису.

До этого много раз бывавший в здании WTC, Костя без труда нашёл специально арендованный на весь срок занятий актовый зал и, войдя туда, сразу же заметил сидевшую недалеко от дверей бельгийскую группу, пока ещё не в полном составе.

– Привет, коллеги! – бодро окликнул он земляков, нацеливаясь на пустующее место слева от Рене, которое, как он вскоре выяснил, удерживалось специально для него.

Девушки тут же заулыбались и весело защебетали. Из их воркотни Костя понял, что немецкая и английская группы немного опаздывают, в связи с чем вступительная лекция должна начаться не в 12:00, как было запланировано, а в 12:30.

Костя налил себе кофе, уселся между Рене и Хелен, поздоровался с обоими, а последнюю не преминул даже поцеловать в щёчку, чем раззадорил сидевших сзади французов.

С Хелен он давно держался на короткой ноге, и в офисе сплетничали по этому поводу все, кому не лень; поговаривали даже, что с некоторых пор у них вне работы завязался роман, хоть подобные намёки и отрицались обоими с негодованием.

Хелен была симпатичной фламандкой, хотя и жила последние несколько лет во франко-фонском Брюсселе с одним инженером.

Кроме нескольких, вполне невинных походов в бары и столь же невинных поцелуев при встречах и расставаниях, между Костей и Хелен ничего интересного до сих пор не происходило. Единственное событие, которое возможно и заинтересовало бы любителей сплетен, случилось однажды в антверпенском «Одиннадцатом завете», куда Костя и Хелен, работавшие над совместным проектом, заглянули как-то вечером для того, чтобы пропустить пару стаканов пива в расслабляющей обстановке.

Этот знаменитый бар от пола до потолка был уставлен всевозможными атрибутами католичества: распятиями, статуэтками Иисуса Христа, Девы Марии, святых, ангелочков и т.п.

Видимо, из-за атмосферы, царившей в «богоугодном» заведении в тот вечер, а может, и по иной причине, Хелен настолько расчувствовалась после третьего стакана, что позволила себя обнять, а затем уже сама подставила губы под Костины пылкие лобызания.

Этот факт остался, разумеется, секретом для коллег и знакомых, но на следующий день в отношениях Кости и Хелен многие заметили перемену.

Клаудия из HR, которая имела, как она сама считала, гораздо больше прав на Костину взаимность, была раздосадована таким поворотом дел, и в результате между девушками вспыхнуло негласное соперничество.

Сегодня Клаудии поблизости не было, и Хелен чувствовала себя свободней. Лицо её лучилось искренней готовностью к неожиданным поворотам судьбы, что не ускользнуло от зорких Костиных глаз. То, что она сама пожелала занять место рядом с ним, говорило о многом...

– Хелен, ты сегодня необыкновенно хорошо выглядишь! – обратился к ней Костя, используя стандартный комплимент как средство тонкой разведки.

– Спасибо, Костя, – ответила девушка, немного запнувшись на его коротком имени, которое у неё получалось выговаривать, подобно всем иностранцам, только лишь с мягким знаком между «т» и «я». – Давно никуда не выезжала, а в Амстердаме вообще не помню, когда последний раз была. Тебе-то он, наверное, почти как родина, ты ведь здесь жил неподалёку?

– Не совсем здесь – в Утрехте; но до «столицы мирового разврата» доезжал в те времена чуть ли не каждую неделю...

Хелен немного зарделась при слове «разврат», но тут же взяла себя в руки и тихим голосом спросила:

– Это что же, наш славный менеджер не так давно был завсегдатаем в голландских кофейнях и на «Красных Фонарях»?

– Ну, как ты могла такое подумать, Хелен?! – с шутливой укоризной в голосе нарушил их интимную беседу Рене. – Да разве вяжется это с незапятнанной репутацией Константина?

– Уж и не знаю, мальчики... Sex, drugs and rock'n'roll – кого не затягивало по молодости в этот сладкий омут?..

– О-о... Мне кажется, Рене, нам с тобой тут могли бы дать фору...

– А я и не сомневался, между прочим... Кстати, учёба у нас только до половины шестого, а вот о планах на вечер никто пока не заикался...

– Хорошо бы поужинать в каком-нибудь уютном местечке, – сказала Хелен.

– Ну, это само собой, конечно, – тут же отреагировал Костя. – Только Рене, я думаю, под планами нечто *иное* подразумевал.

– Так, так, так...

– А что я? – разыграл наивное непонимание Рене. – Моё дело намекнуть...

– Вот, Хелен, что бы мы делали, если бы в наших рядах не было таких заботливых и чутких товарищей! Итак, решено?

– Да, сразу отсюда едем в отель (это, по-моему, совсем близко), кидаем вещи и на метро добираемся до центра.

– Ещё кого-нибудь возьмём? Сандру, может быть, или Джоффри? – поинтересовалась Хелен.

– Предложим, конечно, – ответил Костя, – но я не думаю, что эти ленивые бюргеры клюнут на что-нибудь, кроме халявного ужина. В перерыве обойду иностранцев: может быть, кто-то из моих старых приятелей захочет составить нам компанию.

Вскоре начавшаяся лекция явила собой типичный пример утомительной корпоративной силлогистики, когда большие дяди пытаются объяснить широким массам наёмных работников непреложную ценность каких-либо нововведений; и всем приходится делать умные, глубоко заинтересованные физиономии, хотя каждому дураку ясно, что, кроме ещё одной головной боли, это нововведение никаких барышей обыкновенным труженикам не сулит; а кое-кому может стоить и его рабочего места.

Имплементация нового софтвера, предполагала, в двухлетней перспективе, сокращение трудозатрат на 10-15%, со всеми вытекающими последствиями; и, хотя об этом было известно почти каждому сотруднику, немецкий трибун из Дюссельдорфа, читавший вступительные тезисы, очень мягко и красиво обошёл столь щекотливый для многих присутствовавших в зале момент и только вскользь упомянул «весьма существенную экономию по ряду будущих проектов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.